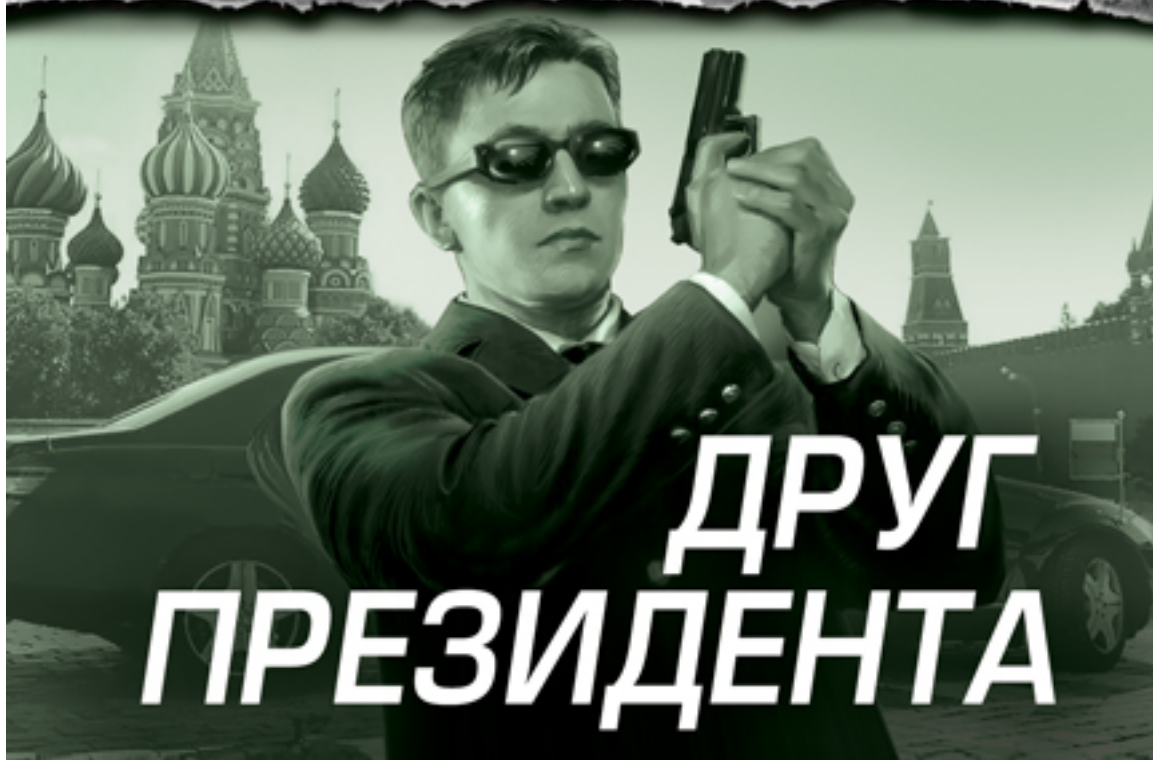

СИЛОВОЕ РЕШЕНИЕ

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ СЕРГЕЯ ЗВЕРЕВА

Силовое решение. Лучшие романы Сергея Зверева (Эксмо)

Сергей Зверев
Друг Президента

«Эксмо»

2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Зверев С. И.

Друг Президента / С. И. Зверев — «Эксмо», 2013 — (Силовое решение. Лучшие романы Сергея Зверева (Эксмо))

ISBN 978-5-04-175249-1

Нет, не дадут отдохнуть Климу Бондареву, агенту самой засекреченной российской спецслужбы и личному другу Президента. Только он завершил одну операцию, как подоспела другая. Террористы захватили телецентр и жаждут прямого эфира, чтобы сделать программное заявление. Вот только они просчитались – телецентр уже штурмует группа «Омега», которая способна проводить мощные диверсионные операции. Но во время штурма боевики антитеррористической группы повели себя совсем не так, как должны были. И теперь Бондарев должен снова доказать свою преданность Присяге и другу Президенту лично...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-04-175249-1

© Зверев С. И., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	38
Глава 6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Иванович Зверев

Друг Президента

© Зверев С., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Глава 1

Зимой темнеет рано, даже в таких больших городах, как Москва. Голубые сумерки сгущаются быстро, и в шесть вечера уже может показаться, что наступила глубокая ночь. До Нового года оставалось не так уж и много дней. А предпраздничные дни летят быстро, не успеешь и оглянуться, как люди усядутся за праздничные столы, на елках вспыхнут разноцветные гирлянды, и все по привычке, выработанной десятилетиями, уставятся в экраны телевизоров, на которых будет одна и та же картинка, которую ждали целый год, – кремлевский циферблат и медленнодвигающаяся к цифре «12» стрелка. Под бой курантов сойдутся над столом бокалы, наполненные шампанским. Опять же по многолетней привычке все загадают заветные желания.

На улице было минус десять. Свежий снежок поскрипывал под ногами, как крахмал в руках старательной хозяйки. Участковый милиционер осмотрелся по сторонам, он курил, любуясь сверкающими разноцветными огоньками украшенных елок в окнах домов частной застройки. Он вытащил из кармана бушлата записную книжку, посмотрел крупно написанный адрес, а затем взглянул на небольшой аккуратный дом, стоявший за низким металлическим забором. Адрес в блокноте совпадал с адресом на синей табличке. Участковый довольно хмыкнул: «Далеко идти не придется». Окурок, очертив дугу, как падающая звезда, воткнулся в сугроб и с шипением погас. Блокнот скрылся в кармане бушлата, указательный палец участкового вдавил кнопку звонка.

В этом доме Игорю Семенову бывать не приходилось. В окошке вспыхнул свет, и через секунд пятнадцать открылась дверь. В светящемся золотом проеме появился мужчина. Он приложил ладонь ко лбу, смотрел недолго.

– Входите, калитка открыта, – раздался мягкий и спокойный голос.

От калитки к дому дорожка была идеально расчищена и подметена. Над крыльцом вспыхнула лампочка, участковый даже зажмурился и тряхнул головой.

– С наступающим Новым годом вас!

Хозяин дома Клим Владимирович Бондарев стоял, опираясь плечом на дверной косяк.

– Хотя и рановато, но и вас с наступающим, – мягким голосом, но дежурно произнес он в ответ.

Игорь Семенов вытащил из кармана блокнот.

– Клим Владимирович? Бондарев?

– Да. Клим Бондарев, – подтвердил хозяин дома.

– А я ваш участковый, сержант Семенов.

– Очень приятно, – услышал участковый.

– Вы, конечно, извините, что накануне новогодних праздников я вас потревожил.

– Извиняю. Надеюсь, ко мне у вас нет претензий? – Бондарев провел ладонью по волосам, и на его лице появилась улыбка.

Чем-то молодой участковый с редкими пшеничными усиками и снежинками на длинных ресницах ему понравился, чем-то даже показался забавным.

– Работа у меня такая, ходить и проверять, как хранится огнестрельное оружие. Особенно перед праздниками. Ведь за вами числится.

– А что, какие-то проблемы? – поинтересовался Клим и жестом пригласил участкового в дом.

Милиционер потоптался на крыльце, сбивая снег, налипший на ботинки, и только после этого вошел. Сразу же после входной двери абсолютно неожиданно для себя он оказался в большой гостиной с огромным камином, в чреве которого полыхало несколько поленьев. Семенов даже попятился, боясь наследить. Прямо от порога начинался сверкающий, словно застыв-

ший каток, паркетный пол, сложенный из широких дубовых досок. Воздух в доме наполнял странный запах, сладковатый и терпкий. Ноздри сержанта затрепетали.

Бондарев посмотрел на него, улыбнулся:

– Вас что-то смущает?

– Запах какой-то знакомый. Воском пахнет.

– Я к празднику пол натер.

– Натуральным воском?

– Зачем же натуральным, специальным средством. Сейчас, слава богу, всего этого хватает, были бы деньги.

Судя по убранству гостиной, денег у хозяина дома хватало. В центре большой гостиной лежал круглый белый ковер, на нем стояли круглый стол и шесть стульев с высокими спинками. Сиденья стульев такого же цвета, как и ковер. В центре стола возвышалась маленькая елочка с микроскопическими лампочками, которые вспыхивали, искрились, как разноцветные капельки росы на рассвете. Между книжными полками в простенках были укреплены чучела различных рыб, а иногда лишь челюсти со страшными зубами.

Участковый оглядывался по сторонам с интересом.

– Вы, наверное, любите рыбку половить?

– Люблю, – признался Бондарев.

– А я таких рыб никогда и не видел.

– Бывает, – сказал хозяин дома. Но в голосе его не было презрения или сочувствия, он просто констатировал факт, а заодно и давал понять гостю, дескать, выполняйте свою миссию, раз уж пришли, и не задавайте лишних вопросов.

Но милиционер не спешил переходить к сути дела. На его лице появилось выражение, какое бывает у детей, попавших в интересное место. Это было настолько искренне, что хозяин невольно усмехнулся.

– Вам никогда не приходилось видеть подобных штучек-дрючек? – хозяин положил руку на огромную катушку с лямками, стоящую на полке.

– Я житель городской, на море всего один раз был, да и то в детстве. А вы, наверное, солидно ездили?

– Пришлось, – ответил Бондарев.

– И много где бывали?

– Знаю людей, которые видели намного больше меня.

– Вы их всех сами поймали? – Семенов указал на раскрытые пасти огромных рыб.

– Этих сам, – Бондарев указал на двух морских щук, – а вот эту рыбу, – из черной доски торчали две огромные челюсти, гораздо большие, нежели капкан на медведя, – с помощью друзей-кубинцев. Одному такую не вытащить, скорее она тебя утащит. – На лице Клим Владимировича появилось мечтательное выражение.

– Поражаюсь людям, которые все свои средства вкладывают в рыбалку, в путешествия... Я же все это только по телевизору смотрю, в «Одиссее команды Кусто».

– А с чего вы взяли, что я в это средства вкладываю? Так, по случаю.

– Но все равно же на это деньги нужны?

– Ясное дело, нужны. Но не такие большие, как многие думают. – Бондарев, глянув в потолок, задумчиво произнес: – Денег должно быть столько, чтобы о них не приходилось думать. Мало – думаешь, слишком много – тоже.

«Да уж, у тебя их, по-моему, столько, что о них можно не думать! Живут же люди! А у меня подарок жене не куплен, квартплата не внесена. На гулянку новогоднюю на службе и то денег у майора одолжил. Куда они деваются? Не успеешь получить, а их уже нет. Рыбы, удочки, катушки, трофеи – фигня все это!» Наконец участковый вспомнил, зачем пришел.

– Клим Владимирович, за вами числится охотничий карабин.

– Ах да, – сказал Бондарев. – Пройдемте.

Участковый проследовал за хозяином дома. Они оказались в комнате, судя по всему, выполнявшей роль кабинета. На светлых стенах в одинаковых рамочках висело огромное количество фотографий. Сержант скользнул по ним взглядом. Письменный стол был чист, и вообще в доме царил идеальный порядок. Каждая вещь находилась на своем месте, причем место было определено раз и навсегда.

В простенке между высокими книжными шкафами с прозрачным стеклом был вмонтирован металлический ящик, высокий и узкий, из нержавеющей стали. Хозяин вытащил ключ, открыл ящик и показал карабин.

– А вот боеприпасы. Они у меня, как и положено, хранятся отдельно.

В сейфе внизу находился второй ящик.

Участковый сверил номер охотничьего карабина с тем, который был записан в его документах, и удовлетворенно хмыкнул:

– Все у вас в порядке, Клим Владимирович, вы уж извините за беспокойство. Что поде-лаешь, работа...

Хозяин поставил оружие в ящик и принялся закрывать его, в то время как участковый увлеченно рассматривал фотографии, которых было великое множество. Одна привлекла его внимание более остальных, наверняка потому, что была довольно старой, еще черно-белой и небольшой: два мальчика у парапета, один лицом к объективу, а второй, покрепче и повыше, в полуобороте. Между ними на каменном парапете лежала бамбуковая удочка и стояла стеклянная трехлитровая банка, в которой плавали рыбки. За мальчиками силуэтом виднелась Петропавловская крепость, пронзал небо шпиль собора.

– Питер? – спросил участковый.

Клим Бондарев уже закрыл ящик и стоял, играя ключами. Он подбрасывал их и ловко ловил то одной, то другой рукой.

– Питер, – ответил он. И тут же уточнил: – Тогда еще Ленинград.

– А это кто? – указательный палец участкового застыл перед изображением сухощавого мальчишки. – Где-то я уже его видел... – И продолжил: – Наверное, у нас с вами общие знакомые.

– Вполне возможно. Мир не такой уж и большой, как казался в детстве, он намного теснее.

– Ну а все-таки? Лицо какое-то знакомое... – участковый имел исключительно цепкую память на лица.

Бондарев передернул сильными плечами, ткань рубашки приподнялась под буграми мускулов.

– Это один из моих первых рыболовных трофеев. Потом у меня было много всякой рыбы, большой, сильной, которую добывал с огромным трудом. Но вот эту рыбу я помню по сей день.

– Я про мальчика.

– А, мальчик! Ну, он сейчас уже взрослый, довольно самостоятельный мужчина. А второй – это я.

Участковый понял, что хозяин дома отвечает на вопросы уклончиво, и не стал выпрашивать дальше. Бондарев погасил свет, давая понять сотруднику милиции, что пора уходить.

Семенов вздохнул, поправил на голове шапку и поежился – уж очень ему не хотелось уходить из этого уюта и благополучия, где каждая вещь знает свое место.

Хозяин заглянул за стеклянную перегородку, за которой находилась бирюзовая, под цвет морской волны, столовая, оттуда слышалось журчание воды.

Сержант с любопытством повернул голову и увидел огромный аквариум, в нем плавали рыбы невероятной раскраски и формы. На столике рядом с аквариумом стояла плетеная корзина с фруктами – яблоки, груши, мандарины, апельсины, гроздь бананов, виноград черный и

зеленый. А рядом с корзиной, завалившись набок, лежал гигантский ананас со стрелами мясистых листьев. Такие ананасы изображают на картинках для кухни, на клеенках и салфетках.

Участковому на мгновение показалось, что ананас не настоящий, а бутафорский, очень умело сделанный в бутафорских мастерских киностудии. Но при этом слюна все равно набежала в рот, и милиционер ее сглотнул.

Бондарев даже виду не показал, что заметил произвольное движение стража правопорядка. Он взял экзотический фрукт в руки и протянул его гостю. Семенов даже не сразу понял, что от него требуется, то ли ему предлагают убедиться, что ананас настоящий и пахнет, то ли хозяин решил похвастаться, какая у него красота.

– С наступающим Новым годом! Берите, берите, он свежий и зрелый, уж поверьте, я знаю.

– Да нет, что вы, мне неудобно.

– Супруга у вас есть?

– А то, конечно!

– Вот и порадуете ее. Продукт замечательный, натуральный сжигатель жира.

– Чего?

– Все барышни, желающие похудеть, употребляют. А им и водку, между прочим, закусывать можно.

Милиционер принял тяжелый подарок и хмыкнул.

– Спасибо, – сказал он, и на его лице появилось смущение.

Хозяин проводил участкового до калитки, они попрощались, как старые знакомые.

Оставшись во дворе один, Клим потянулся, хрустнул суставами, подпрыгнул довольно высоко и легко, сбил рукой снег с ветки яблони. Снег посыпался на лицо и мгновенно растаял, превратившись в мелкие капли.

Сержант Игорь Семенов гордо шагал по улице, неся, как драгоценный раритет, по заснеженной московской улице красивый пахучий ананас.

Клим Бондарев вбежал в дом и сразу же бросился к телевизору, на экране которого шла реклама.

– Черт, не успел! – пробурчал он и, схватив со стола пульт видеомэгафона, принялся перематывать ленту.

Во время прихода участкового, который явился неожиданностью для хозяина дома, Бондарев был занят чрезвычайно серьезным делом. Он переписывал с экрана телевизора старый советский фильм «Белое солнце пустыни» для домашней коллекции. Местный кабельный канал «Око» иногда крутил хорошие художественные ленты для зрителей, уставших от западных боевиков, вестернов и всякой эротической мути.

Когда реклама закончилась, Клим снял палец с кнопки «пауза» и включил запись. На экране возникло лицо героя фильма Павла Верещагина. Бондарев усмехнулся хрестоматийной сцене, в которой перед таможенником стоит огромная миска черной икры и он категорически отказывается есть ее без хлеба, несмотря на слезные уговоры супруги.

Бондарев смотрел на экран не отрываясь, словно видел в первый раз. В этом фильме ему нравилось все – и герои, и сюжет, и режиссура. В общем, если и бывают идеальные фильмы, то «Белое солнце пустыни» – один из них. Клим даже по-мальчишески присел на ковер, уперся подбородком в колени, крепко обхватив руками ноги.

Идиллию разрушил телефонный звонок. Бондарев скривился, как от внезапной зубной боли, пружинисто вскочил и в два шага оказался у телефона, стоящего на камине.

– Привет, Виктор.

– ...

– Пока рыбалка не отменяется.

– ...

– Как предвидел, купил мотыля. И на тебя тоже. Крупный мотыль. Столько рыбы не бывает, сколько я того мотыля купил. Ты же знаешь, самое обидное, когда мотыль кончится. Да, конечно, подожду...

– ...

– ОМОН? – через полминуты переспросил Бондарев.

– ...

– ОМОН стрелять не стал бы, – уверенно сказал Бондарев, – да и кавказцев туда практически не берут.

– ...

– Позвони, вызови милицию. Если это ОМОН, то они будут в курсе. И тут же перезвони мне.

Все еще продолжая смотреть в экран телевизора, Клим не глядя положил трубку. Но взгляд его уже стал отсутствующим, словно он находился далеко...

...Внезапно изображение исчезло, на экране появился электронный снег.

Бондарев схватил сразу два пульта, принялся щелкать кнопки. Все каналы работали исправно, видеоманитофон тоже. Затем он снова переключил телевизор на кабельный канал, но электронный снег так и не исчез.

Клим подошел к окну, отодвинул штору, посмотрел в сгустившиеся над частной застройкой синие сумерки. Увидел зажженные окна дома напротив, сверкающую пирамиду убранный елки. Пару раз мелькнули соседка с соседом. По улице проехала легковая машина, ярко горели точки рубиновых огней. За домом темное небо было подсвечено заревом огромного города.

Бондарев подошел к комоду, немного помедлил, выдвинул верхний ящик. Достал телефонный справочник, в котором был указан только один-единственный номер студии кабельного телевидения «Око». Телефон то не отвечал, то был занят.

«В таких случаях, как правило, дозвониться невозможно, в трубке короткие гудки, тысячи возмущенных телезрителей пытаются выяснить, почему изображение пропало с экрана».

– Черт! Неужели он был прав? ОМОН не стал бы прекращать трансляцию, – произнес Бондарев и заглянул в камин.

Затем взял кочергу, пошевелил угли. В его темных глазах заскакали языки пламени. Выражение лица стало иным – строгим и сосредоточенным.

Собирался Клим быстро, ни одного лишнего движения, все рассчитано до мелочей. Так собирается человек, привыкший быстро срывать с места. Он открыл железный ящик, рука схватила карабин быстро, резко, но в то же время бережно, как вещь очень дорогую и нужную, от исправности которой зависит очень многое.

Патроны для карабина Клим положил в карман куртки, сунул за пазуху разрешение на оружие, запаянное в тонкий пластик. Затем в его руках оказался мобильный телефон в титановом корпусе. Аппарат лишь отдаленно напоминал привычные трубки, сходство между ними было таким, как у современного сверхзвукового истребителя с самолетом Второй мировой войны, у которого еще красные звезды на крыльях.

Сильные пальцы сжали трубку. На несколько мгновений Бондарев застыл перед зеркалом. Вид у него был абсолютно не воинственный. Карабин находился в чехле и висел за спиной.

Клим натянул лыжную шапочку почти на самые глаза. Застежка-молния на куртке, взвизгнув, взлетела вверх и замерла под небритым подбородком. Он надел перчатки, ботинки на крепкой рифленой подошве. Взглянул по сторонам. Свет в доме погасил, лишь лампочки на маленькой елочке продолжали пульсировать, переливаться огоньками, напоминая о близком празднике.

Быстрым шагом по чисто выметенной, идеально белой, словно застланной крахмальной простыней дорожке крепко сложенный мужчина шагал к калитке.

Глава 2

Будущий владелец студии кабельного телевидения «Око» Бахир Бахирович Балуюев любил телевидение и радио с детства. Сколько себя помнил, в квартире всегда имелся телеприемник. Вначале был старенький «Рекорд» с небольшим экраном и с золотистой панелью, прикрывавшей громкоговорители. Посмотреть передачи к родителям приходили соседи. Маленький Бахир гордился, что телевизор был у них одних на весь подъезд. И это в Москве, куда технические новинки попадали в первую очередь. Потом «Рекорд» сменил телекомбайн «Беларусь» с проигрывателем и приемником, по которому подросший Бахир тайком от родителей слушал «вражеские голоса» – радио «Свобода» и «Голос Америки». Он представлял себе, что уедет за границу и его непременно примут на работу диктором одной из западных студий, вещающих на Советский Союз. А как же еще? Где же они – «враги», найдут человека, владеющего русским языком? А то, что он говорит с ужасным южным акцентом, Бахиру в голову не приходило.

Прошли годы, и уже никто из соседей больше не заходил к родителям на «голубой огонек», телевизоры появились в каждой квартире, а Бахир в мечтах видел себя то советским диктором, то ведущим детской программы. Короче, человеком знаменитым, которого узнают на улицах. За прошедшие годы к западным станциям он понемногу охладел. В самом Советском Союзе заворачивались дела, от которых голова шла кругом. Русские слова «перестройка» и «гласность» прочно вошли в словарь английского языка.

Уже и с экрана телевизоров на зрителей обрушивалась своя – отечественная правда. Имена вещавших «из ящика» становились известными всей стране. Пару раз Бахир Балуюев пытался устроиться в «Останкино» диктором, честно приходил на конкурсы телеведущих, выстаивал километровые очереди, чтобы потом услышать от раздраженного члена комиссии нетерпеливое: «Спасибо, хватит. Вы свободны. Следующий...» Балуюев ненавидел и «предыдущих», и «следующих», особенно когда потом узнавал на экране лица своих сверстников, мелькнувших в останкинских коридорах.

У него хватило ума вовремя остановиться, поставить крест на карьере ведущего. Бахир умел найти другой вход, если парадная дверь оказывалась закрыта. С беспроцентной ссудой в сберкассе пособил отец, друзья-комсомольцы обеспечили канал для ввоза в Россию подержанных компьютеров. За год с небольшим Балуюев сколотил приличный капитал.

Как-то во время одной из поездок в Германию вместе с партией компьютеров ему предложили приобрести подержанное оборудование для телевизионной студии. Детская мечта ожила мгновенно. Еще не доехав до России, Балуюев уже наверняка знал, что телекамеры, монтажную, профессиональные видеоманитофоны он никому не продаст, сколько бы за них ни предложили. В них его будущее.

Через полгода он уже был хозяином телестудии «Око», занимавшей три комнаты в студенческом общежитии. На эфирное вещание Бахир не рассчитывал – ретрансляторы стоили огромных денег, да и за частоту требовалось выложить крупную сумму. Он развивал бизнес постепенно. Оплатил прокладку кабеля в другие корпуса общежития, потом в соседние дома. Год за годом кабели тянулись, плелись как паутина, опутывали квартал за кварталом. Абонентская плата плюс рекламные поступления вполне оправдывали расходы. Да и люди на студии поначалу работали почти бесплатно. Балуюев знал, что для многих нет большего соблазна, чем «засветиться» на телеэкране. Это наркотик, попробовав который один раз, слезть с него уже невозможно.

Его кабельный канал к началу двадцать первого века покрывал уже не только столичное Коломенское, но и близлежащие районы. Год назад Балуюев арендовал под студию бывшее бомбоубежище военного завода. Теперь новости передавались из самой настоящей студии, оформ-

ленной дипломированным модным дизайнером, а на дикторах как влитые сидели костюмы, предоставленные дорогим бутиком лишь за то, что в титрах на несколько секунд покажут его название. Новое помещение студии Балуюеву нравилось. Прежнюю мрачность бомбоубежища безвозвратно уничтожил дорогой ремонт. Серые бетонные стены обшили белым пластиком, подвесили потолок из звукопоглощающих плиток, яркие галогенные лампы залили подземелье праздничным светом, звуки шагов тонули в толстых ковровых покрытиях.

Конечно, немного угнетало, что не откроешь окно, не глянешь на сверкающий в лучах вечернего солнца снег, но зато в своем подземелье Балуюев был полным хозяином. Он создал свой мир и правил в нем, как хотел. А недостатка в свежем воздухе никто не испытывал, исправно работала система вентиляции, смонтированная еще во времена «холодной войны» – были вещи, которые и в Советском Союзе делались на совесть.

За год работы ни разу не подвела электропроводка, хотя во время эфира в студии включалась мощная подсветка, ни разу не прорвало трубы отопления или водопровода. Бомбоубежище – военное сооружение, с большим запасом прочности, рассчитанное выдержать ядерный удар по столице и после этого еще простоять пару веков.

Своему обыкновению приходить на студию под вечер Балуюев не изменил даже в предновогодние дни, хотя для большинства российских бизнесменов время от католического Рождества до старого Нового года – вычеркнутые из активной жизни три недели. На западное Рождество поехать в Европу – это начало разгула, потом на Новый год вернуться домой – достойное продолжение. После – провал в памяти до православных праздников и «отходняк» – плавное уменьшение дозы спиртного до 14 января. Но телевидение – материя тонкая. Когда все отдыхают, для него наступает самая работа. К вечеру, и уж тем более поближе к Новому году, случается самая горячая пора.

Хозяин телестудии и кабельной сети «Око» еле загнал машину на стоянку. Его «Мерседес» никак не хотел заезжать в узкое пространство между двумя «Жигулями». Рыхлый, недавно выпавший снег летел из-под буксующих колес. Балуюев мог бы позволить себе заехать на машине и к самому входу в студию, расположенному в глубине небольшого сквера, но он предпочитал пройти по аллейке, сосредоточиться – он привык сразу же говорить четко, по делу, налетать на своих сотрудников как ураган. Всегда найдутся недостатки в работе.

Нетронутый снег чуть слышно поскрипывал под толстыми подошвами дорогих ботинок, искрился в свете фонарей. Снежинки садились на черное кашемировое пальто. Мир выглядел спокойным и нарядным. Над облагороженным входом в бомбоубежище сиял подсвеченный щит с броской надписью «Телестудия «Око» и прорисованным в деталях игривым женским глазом, обрамленным длинными черными ресницами. Балуюев даже задержался, чтобы полюбоваться недавно установленной вывеской. Зимняя атмосфера действовала расслабляюще.

«В подобном состоянии появляться перед сотрудниками нельзя. Не дай бог, подумают, что работают отлично, тогда недалек тот день, когда они и прибавки к жалованью потребуют».

За открытой настежь тяжелой металлической дверью, украшенной огромным маховиком запора, поблескивала стеклом другая новомодная стеклянная дверь, над ней под козырьком притаилась телекамера наружного наблюдения.

«Снаружи – порядок, а вот внутри... – владелец кабельного канала прикусил губу, – внутри порядка быть не может лишь потому, что я хозяин, а они нанятые работники».

Балуюев бросил взгляд на циферблат часов. До выхода в эфир вечернего выпуска новостей оставалось чуть больше трех часов. Новости были «коньком» канала. На их создание уходило около половины бюджета студии, но Балуюев денег не жалел. Обычно зритель, если его чрезмерно не утомлять рекламой, поленился переключать телевизор. По большому счету, ему без разницы, какой фильм потом смотреть. Главное, суметь завлечь его новостями.

«Око» передавало новости избирательно, в первую очередь сообщалось, что случилось в самом районе, охваченном кабельным вещанием, и лишь потом говорилось о том, что про-

изошло в стране и в мире. И зрителю казалось, что он живет в центре вселенной, что весь мир вертится возле него, а события на соседней улице так же важны, как и вселенские катаклизмы.

Балуев напустил на себя грозный вид и шагнул к стеклянной двери в конус пронзительно яркого света. Телекамера смотрела на него бесстрастным черным глазком.

– Добрый вечер, Бахир Бахирович. Входите, – раздался из динамика переговорного устройства спокойный голос охранника, и тут же негромко щелкнул электрический замок.

Открывая дверь, Балуев мельком посмотрел на свое отражение в идеально протертом тонированном стекле. Он миновал тамбур бомбоубежища с еще одной тяжелой металлической дверью, выкрашенной по совету дизайнера веселой оранжевой краской, и подал руку охраннику.

– Как дела, Виктор? – Балуев мог забыть фамилию сотрудника, но по именам и в лицо знал всех поголовно, от продюсера до уборщицы.

– Спасибо. Новый год скоро, – ответил улыбчивый верзила.

Костюм, белая рубашка и галстук смотрелись на нем нелепо. Сразу было видно: молодой человек до недавнего времени не вылезал из камуфляжа, ходил не по асфальту, а по пустыне, грязи и глубокому снегу. Но положение охранника солидной фирмы обязывало быть на работе идеально выбритым, подстриженным, одетым с иголочки.

– Кому Новый год, а кому и работа, – бросил Балуев, смахивая с черного пальто подтаившие снежинки, – жарко у нас, хоть кондиционеры включай.

– Отопление всю работу. Но его тут не переделаешь. Трубы в бетон залиты.

Балуев, старавшийся не вникать в вопросы, в которых понимал мало, махнул рукой:

– Жарко – не холодно. Пережить можно.

Виктор дождался, пока босс скроется за поворотом коридора, и расстегнул пиджак.

«Жарко, хоть дверь на улицу открывай».

Вернулся напарник – тоже бывший десантник, машинально бросил взгляд на монитор – на черно-белом экране была площадка перед дверью, падал пушистый снег, засыпая следы Балуева.

– Хозяин пришел?

– Хорошо, что про тебя ничего не спросил.

– Я же покурить отошел.

– Курить в туалете положено, а ты под запасным выходом дымишь. Словит Балуев – выгонит. Ты же контракт подписывал, а там «русским по белому» каждый твой шаг на работе расписан.

– Если жить, как в контракте написано, то я даже жене не имею права сказать, сколько денег мне платят – коммерческая тайна.

– Удобная «отмазка», если все деньги отдать потребует.

– От нее и рубля не спрячешь. Сам не отдашь – найдет. В глаза посмотрит и тут же скажет, где спрятал.

– Моя Танька другая.

– Другая, потому что вы еще не расписались, не съехались. Попомнишь мое слово, женишься – через год Таньки своей не узнаешь.

Виктор пожал широкими плечами, не хотелось ему верить, что какая-то печать в паспорте сможет изменить его любимую девушку. Но женатый приятель имел право советовать, предупреждать. Уже третий год пошел, как женился.

– Не знаю, как у вас раньше было. А моя другая.

– Другая, как же. Ты завтра на рыбалку собрался, а сам что ей скажешь?

– Совру, что на работу пойду. Рыбалка – не то, рыбалка не деньги, а удовольствие.

– Деньги – тоже удовольствие, и не последнее в нашей жизни.

Виктор услышал, как открывается дверь кабинета босса, тут же застегнул пиджак, поправил запамятый в пластик бейдж. Балув любил пройтись по коридору студии. Все двери в служебные помещения согласно его распоряжению были стеклянными. Все, кроме одной, на которой красовалась латунная табличка с именем хозяина. Владелец наблюдал за работающими сотрудниками, как за аквариумными рыбками.

Он прошел коридором мимо кабинетов и заглянул в студию, где уже шли приготовления к вечернему эфиру. Оператор устанавливал камеру, усадив за стол вместо диктора девушку-редактора, а продюсер задумчиво смотрел на задник, подсвеченный юпитером, он вздрогнул, когда почувствовал за спиной дыхание хозяина.

– Добрый вечер, – расплылся продюсер в напряженной улыбке.

– Добрый, – коротко бросил Балув и окинул взглядом студию.

– Вот, готовимся... До Нового года можно не подновлять, – он провел рукой по начавшей отклеиваться от стола пластиковой пленке. – Все равно оформление менять будем. Новые ведущие в новом интерьере появятся. Что-то не так?

Балув качнул стул, на котором были живописно свалены, словно занимались групповым сексом, две мужские дубленки и шуба.

– Почему верхняя одежда в студии?

– Я им каждый раз... – произнес продюсер и осекся, поняв, что его дубленка лежит сверху, обхватив мокрыми рукавами ондатровую шубу. – Ее все равно в кадре видно не будет...

– Я целый кабинет под гардероб отдал, – глаза Балува сузились, – не для того, чтобы пальто на стулья сваливали, – ты-то знаешь, во сколько мне аренда одного квадратного метра обходится.

– Извините, Бахир Бахирович. С улицы я – сразу в студию, сейчас уберем.

Балув глянул на стеклянную перегородку, за которой в аппаратной сидел видеоинженер. На двух мониторах шел фильм «Белое солнце пустыни», на третьем виднелась картинка погруженной в полумрак студии.

– В новом году по-новому работать начнем. Такая халтура уже не пролезет, – Балув заглянул в окуляр камеры, – для новых ведущих нужно искать новые ракурсы.

– Одной камерой с обычного штатива лучше не снять, – улыбнулся в седеющие усы оператор. Как всякий хороший профессионал, он не боялся потерять работу, знал, такие, как он, на улице не валяются.

– Придет время, и второй камерой для новостей разживемся, и кран поставим, – пообещал Балув, – а пока работай на том, что есть.

– Мы и работаем.

– Пошли ко мне, разговор есть, – Балув взял продюсера за локоть.

Такой оборот не предвещал ничего хорошего, текущие дела можно было обсудить и в студии. Раз босс жаждал разговора один на один, значит, не хотел распекать продюсера при других сотрудниках студии.

Дверь со сверкающей латунной табличкой закрылась бесшумно, словно присосалась к дверному косяку. Хозяин небрежно расселся за просторным, как двуспальная кровать, письменным столом, придвинул к себе единственный на всей студии телефон с прямым городским номером, все остальные аппараты работали только через офисный коммутатор. Продюсер скромно устроился на приставном хлипком металлическом кресле, сложив руки на коленях и плотно сдвинув ноги, словно на нем была короткая юбка.

Балув умел держать паузу, как настоящий актер. Такие начальственные паузы позволяли подчиненному вспомнить все свои вольные и невольные прегрешения, о большинстве из которых владелец студии и понятия не имел, загодя осудить себя и покаяться в еще не совершенных.

Продюсер опустил глаза. Балуюв взял с подставки широкий конверт плотной бумаги, вытряхнул из него на стол пачку фотографий и бытовую видеокассету. Продюсер глуповато улыбнулся.

– Предварительный кастинг новых ведущих провел? – спросил владелец студии, хотя результат был налицо: и фотографии, и видеокассета, хоть сейчас вставляй в магнитофон и смотри.

– Отобрали из пятидесяти пяти претендентов. Но время еще есть. Сегодня в новостях снова прозвучит приглашение участвовать. Народ валом валит. И уроды, и калеки, и косноязычные, и старики, и горькие дети... Почему-то никто не считает, что можно стать поваром без специальной подготовки, а вот в телеведущие все подряд метят.

Балуюв, припомнив, как сам безрезультатно ходил на подобные конкурсы, тему развивать не стал. Он разложил перед продюсером цветные фотографии. Выкладывал их так, словно играл в карты, и на руки ему пришла выигрышная комбинация, выше которой быть в игре ничего не может. Как четыре туза и джокер в покере.

Пять мужских лиц, но все типажи были разные. Суровый мужик с властным умным взглядом и отечными мешками под глазами. Немного подержанный, чуть побитый годами красавец – любимец дам, душа компании. Простак с широко распахнутыми веками и наивным лицом, такой может нести с экрана любую официальную чушь и при этом продолжать задумчиво улыбаться. Рано поседевший циник с бесцветным взглядом, незаменимым, когда приходится сознательно врать. Молоденький парнишка с оттопыренными ушами – свет, когда делали фотографию, выставили неудачно, уши сияли на просвет как раскаленное железо.

– Это ты называешь кастингом? – строго поинтересовался Балуюв.

– Отобрал лучшее, что было, – просипел продюсер, от долгого молчания «голос сел», – я всех просмотрел, всех лично прослушал.

– Кого было больше – женщин или мужчин?

– Женщины косяком идут, но без разбора, всякие. Мужик обычно подготовленным приходит. Пожалуйста, из пяти отобранных – два драматических актера с высшим образованием. Кассету посмотрите. Вот этот, – продюсер ткнул пальцем в оттопыренное, горящее красным пламенем ухо молодого человека на фотографии, – он говорит в два раза быстрее обычного человека, но каждое слово разобрать можно. А седой – отставной полковник – настоящий оперный тенор, хотя нигде правильному произношению не учился. Академия имени Фрунзе не в счет.

– Мы не цирк, не драматический театр и не опера, а уж тем более не воинская часть, мы солидный канал. Мы полтора миллиона зрителей по Москве накрываем, – веско произнес хозяин канала.

– Миллион семьсот пятьдесят тысяч зрителей имеют техническую возможность смотреть наш канал, – подсказал продюсер точную цифру, слово в слово повторив слова из рекламного проспекта студии «Око».

– Столько народа во всей Эстонии или в половине какой-нибудь Норвегии. И я хочу, чтобы хотя бы половина из них не переключила телевизоры. Наши новости смотрит уйма народа. И ведущие вечерних новостей должны быть соответствующие. Ты на хрена только мужиков в ведущие отобрал?

– Мужик, особенно в возрасте, в кадре смотрится солидно, – возразил продюсер, – к нему у зрителя доверия больше, чем к бабе. Я, например, женщинам никогда не верю. Что бы они ни говорили.

– Даже когда шепчут, что ты хороший любовник? Или тебе никогда этого не говорили? Продюсер тактично промолчал.

– Мужикику веришь, когда новости хорошие, а баба нужна, чтобы сообщать плохие новости, страшные. Об авариях, о погибших, о захвате зданий террористами. Каких у нас новостей больше? – настаивал хозяин.

– Лучше, когда новости хорошие в районе нашего вещания, а вокруг все плохо. Если нужно отобрать и женщин, то время еще есть. У меня даже телефоны некоторых конкурсанток записаны.

– Мы новости не создаем. Они сами к нам приходят... Тут уж мы повлиять не можем. А записал ты телефоны самых смазливых, а не самых талантливых...

Молодая девушка-редактор прильнула лицом к стеклу студийной перегородки. На противоположной стороне коридора сияла на плотно закрытой двери латунная табличка с фамилией Балугева.

– Уже двадцать минут хозяин его мучает.

– Не тебя же мучает, – не отрывая глаза от окуляра камеры, проговорил оператор, – у продюсера работа такая, ему за мучения деньги платят.

– Если Балугев злится, то злится на всех, – она подхватила свою ондатровую шубейку, – занесу в гардероб.

– И мою дубленку прихвати.

– Как вы, мужики, такую тяжесть на себе таскаете, – девушка взяла в руки дешевую дубленку оператора, – я бы в ней к вечеру в два раза меньше ростом стала.

– Зато тепло. Мне простывать нельзя. Чихнешь – камера дрогнет. Ты, Катя, никогда ведущей стать не хотела?

– У меня правый глаз немного косит, – улыбнулась девушка, – мне в кадре работать противопоказано.

– Я чудеса делаю. Карликов – гигантами, уродов – красавцами. Твоего косящего глаза никто и не заметит. Кроме меня, конечно.

– Мне моя работа нравится.

Оператор повесил наушники на камеру, погасил яркий свет, постучал пальцем по стеклу аппаратной. Видеоинженер вскинул голову от компьютера и показал пальцы, сложенные колючком. Мол, все отлично, можешь пойти отдохнуть, и с завистью глянул на оператора, тот выбил сигарету из пачки, вышел из студии. Видеоинженер не мог покинуть пост, вдруг сервер даст сбой и показ фильма прервется.

Оператор прошел мимо охраны.

– Виктор, ты дверь не замыкай. Я только покурю на крыльце и назад.

– Что мне, лишний раз кнопкой щелкнуть жалко? Да и холодно, Петрович, мог бы в туалете покурить.

– Снег сегодня красивый. Прямо рождественская открытка, – вздохнул пожилой оператор, – помозговать надо, как его снять, – он замотал шею шарфом и вышел на крыльцо.

Медленно плыл, переливаясь и клубясь в лучах яркого фонаря подсветки, табачный дым. Оператор, чуть прищурившись, смотрел на серебристый снег сквозь причудливые изгибы синеватого дыма, с сожалением думая о том, что видеокамерой невозможно передать и половины всей сегодняшней вечерней красоты.

«Нужно слышать потрескивание ветвей, припорошенных снегом, нужно вдыхать морозный воздух. А снежинки вспыхивают как бриллианты, и тут же, рядом с ними, виднеется свежая изумрудная трава на теплотрассе, кажется, что среди нее новогодней ночью распустятся одуванчики».

На какое-то одно мгновение, абсолютно неожиданно для самого старого курильщика, струйка дыма над кончиком зажженной сигареты сложилась в силуэт стройной обнаженной девушки с пышными разлетевшимися волосами. Постояла секунду-другую. Оператор даже дыхание затаил, так и замер с открытым ртом, боясь спугнуть видение. А потом пригрезив-

шаяся ему девушка качнулась, оторвалась от кончика сигареты, подхваченная легким, почти неощутимым движением ветра. И тут же расплылась бесформенным облачком в вечернем декабрьском воздухе, в котором уже витал аромат праздника.

«Вот же штука, – от досады оператор щелкнул сильными пальцами, – можешь сидеть с включенной камерой, совать под объектив зажженные сигареты, делать это несколько лет подряд. И все, никогда больше чудо не повторится. А я видел ее так ясно, так отчетливо. И всегда такое случается, когда нет под рукой камеры. Молодежь скажет, что такую девушку из дыма можно нарисовать и на компьютере. Но нет. Как нельзя нарисовать на нем и настоящий рождественский вечер. Его можно только увидеть. И потом вспомнить. То-то я размечтался. Это Европа уже всюю Рождество празднует, а наше, православное, только после Нового года наступит. Новый год – самая работа. Мне праздники еще пережить надо».

Оператор с досадой отправил щелчком еще тлеющий окурочек в рыхлый сугроб. Бычок пробил в нем темную норку, огонек на мгновение вспыхнул, осветил ее и погас.

«Вот так и моя жизнь. Все время горбатился на телевидении, больших людей снимал, праздники, трансляции. Всегда за кадром оставался. Никто моего лица не вспомнит. Постарел, на кабельное телевидение ушел. Еще пару лет поработаю, и вышвырнут меня в сугроб, как осыпавшуюся новогоднюю елку после праздника».

Оператор спрятал бензиновую зажигалку в один из многочисленных карманчиков на своей жилетке цвета хаки и потянул золотистую ручку стеклянной двери. Охранник слово сдержал, замок оказался разблокирован, но тут же щелкнул, когда дверь закрылась. Теперь ее открыть можно было только с пульта. На туфли налипло много снега, и оператор долго вытирал их о пластиковый коврик, лежавший у стойки охраны.

– Ты на Новый год дежуришь? – поинтересовался оператор.

– Нет уж, мне на прошлый выпало, – заулыбался Виктор, – теперь пусть другие его «всухую» встречают.

– Хорошая машинка, – похвалил оператор новенький мобильник, лежавший на стойке, – фирма выдала?

– Дождешься, – вздохнул охранник, – Балуев даже на Рождество не расщедрится. Сам купил.

Оператор поднял мобильник, глянул на дисплей.

– А толку, что он у тебя есть? Все равно в бомбоубежище он не работает. Земли над нами четыре метра и еще полтора метра железобетон, напичканный рельсами. Не доходит сигнал. Разве что у самой двери стать.

– Не помогает, и там не берет, пробовал. Стекло металлом тонировано, экранирует.

– Тогда на хрена ты деньги тратишь? Дома у тебя телефон и так есть.

– Теперь без мобилы ходить несолидно. Девушки любить перестанут, – отшутился охранник и убрал телефон со стойки.

Студия понемногу оживала, пустой и гулкий коридор наполнялся голосами. Его почти стерильную белизну теперь нарушали броские женские платья, строгие темные мужские костюмы. Живой выпуск новостей – это по масштабам кабельного телевидения огромное производство.

Редактор с диктором препирались, стоя под заправленным в сверкающую рамку фестивальным дипломом «За лучшее операторское решение телевизионных новостей».

– Я не успею прочитать твой текст за двадцать секунд, – настаивал диктор.

– На большее у нас нет видеоматериала, – не сдавалась редактор, – постарайся и прочтешь.

– Постараться могу. Прочтешь – нет. Выброси из него пять строчек, тогда получится, или дочитаю уже в кадре.

– Ты же знаешь, что в последнем блоке мировых новостей все тексты звучат за кадром только под хроникальные съемки. По-другому мы не работаем.

– Тогда ничего не выйдет...

– Сможешь. Я и слова из него не выброшу...

Охранник Виктор слушал профессиональный спор. Каждый день перед выпуском вся новостийная бригада ругалась, иногда и до мата доходило.

«Послушать их, то можно подумать, что новости выйти в эфир не смогут. Сплошные накладки и проколы пойдут. А потом ничего, все получается. И текст укладывается, и видеоматериала хватает. И неважно, что в один день в мире, считай, ничего не случается, а в другой день повсюду сплошное кипение – за сутки рассказать не успеешь. А они – профессионалы, ровно в полчаса эфира укладываются, каждый день. Ни минутой больше, ни минутой меньше. Где надо растянут, где надо – укоротят».

Мирно помаргивал монитор, подключенный к наружной камере наблюдения, на нем по-прежнему виднелось засыпанное снегом крыльцо перед входом. Тот мир казался далеким и нереальным – слишком спокойным, холодным. В коридоре в руках сотрудников, перебежавших из кабинета в аппаратную, шелестели бумаги распечаток. Выпускающий режиссер пытался отыскать ассистентку, чтобы уточнить у нее номера кассет с сюжетами, а та словно сквозь землю провалилась.

– Она домой не уходила? Может, случилось что? – в отчаянии допытывался режиссер у охранника Виктора.

– Нет. Как пришла, точно помню, а потом здесь и не появлялась. На студии ее ищите.

– Где искать! Я уже все кабинеты обошел.

– Всю студию вы не осматривали.

Режиссер задумался и тут же бросился к девушке-редактору.

– Глянь в женском туалете. Может, она там?

Девушка сунула режиссеру листки текстов и скрылась за углом. Коридоры бомбоубежища были настоящими лабиринтами, указатели, вывешенные на стенах, могли только сбить с толку непосвященного. Но сами сотрудники ориентировались превосходно.

В женском туалете перед зеркалом ассистентка старательно красила губы.

– На тебя уже скоро в розыск подадут. Без вести пропавшей объявят. Красишься, словно это тебе в эфир выходить, – заглянув за дверь, возмутилась редактор.

– Успеет. Надоел уже, – тюбик с помадой исчез в сумочке.

– Так ему и передать?

– Так и передай. Нельзя быть слишком нервным. До эфира еще тьма времени. Я и так на час раньше пришла. Не телестудия, а самый настоящий концентрационный лагерь. Кофе в кабинетах пить нельзя, курить – тоже. В туалет больше чем на минуту не заходи. На пять минут не опоздай. Даже позвонить по телефону толком нельзя. Каждый звонок фиксируется. В начале месяца объяснительные пиши, кому и зачем звонила. Сообразил Балуев офисный коммутатор поставить. Теперь он знает, кому я звоню, может даже мои разговоры прослушивать.

– Насчет телефонов я с тобой согласна, это отвратительно. Балуев всех под колпаком держит. Но в остальном... должен же быть порядок. Иди, режиссер тебя ждет.

Редактор заняла место перед зеркалом и провела пальцем по губам, подправляя помаду.

Виктор вместе с напарником, негромко переговариваясь, разгадывали кроссворд в газете, забытой одним из посетителей на стойке. Короткий карандаш никак не хотел держаться в мощных пальцах охранника, списанное острие оставляло в микроскопических клеточках абсолютно не поддающийся чтению след.

– Пойду своей Таньке позвоню, – Виктор хлопнул по карману с мобильником и подмигнул напарнику.

– Боишься, что не одна вечер проводит?

– Сплюнь три раза через левое плечо. Если что, я на минутку отошел.

– Знаю я твои минутки. Танька коротко говорить не умеет, – охранник отложил карандаш и газету.

Балуев, хоть и считал, что без его ведома никто не может на студии и шага сделать, все же ошибался. На всякий яд найдется противоядие. Владелец предпринял все, чтобы держать сотрудников под контролем, особенно в том, что касалось телефонных звонков. Даже сам аппарат офисного коммутатора стоял у него в кабинете.

Зажглась лампочка – говорит человек, погасла – повесил трубку. Он имел возможность извлечь из памяти любой номер, сколько бы от звонка ни прошло времени. И не дай бог, оказывалось, что звонили не по делу, а друзьям, родственникам или знакомым, особенно по межгороду и на мобильники. В чем-то Балуев, конечно, был прав – меньше болтаешь, больше работаешь на канал, но во всем надо знать меру. Пережмешь, русский умелец придумает, как обойти запрет. Придумал такой финт и Виктор, не зря в воздушном десанте служил.

Армия и тюрьма, особенно российские, «соображалку» – как что спрятать, как обмануть начальство – развивают великолепно. В каждом здании найдутся помещения, куда никто без надобности заходить не станет. Имелось такое и в бомбоубежище. Обитая оцинкованной жестью дверь закрывала вход в электрическую подстанцию. Нормальный человек даже порог ее переступить побоится. Гудят трансформаторы, индикаторные лампочки горят, как угольки, рубильники, пакетные выключатели, и повсюду на табличках молнии нарисованы, черепа с костями и надписи: «Опасно для жизни». В подстанцию только контролеры Мосэнергонадзора пару раз в год и заглядывали, чтобы снять показания электросчетчиков.

Виктор соорудил в подстанции хитрое приспособление, всего-то и пришлось припаять к проводку винтовой штекер, а проводок воткнуть в разъем с надписью «Наружная связь». Таких разъемов в любом бомбоубежище несколько, на случай, чтобы связисты после бомбежки могли к выведенным наружу разъемам телефоны подключить и переговорить с засыпанными людьми, убедить их открыть запоры. Ведь любое бомбоубежище – это суперсейф, только вывернутый наизнанку, изнутри закроешься, и никто тебя без твоей воли оттуда уже не выковырнет.

Виктор огляделся, чтобы никого в это время в коридоре не было, открыл дверь в подстанцию и тут же закрыл ее за собой. Головка антенны с мобильного свернулась легко. Охранник бережно спрятал ее в карман, а на ее место ввернул штекер. Тут же осветился экранчик телефона. Роуминг стал таким, словно Виктор находился не в глубоком подземелье, а стоял на людной московской улице. Устроившись на стуле, Виктор набрал номер своей невесты.

– Привет, – охранник хотел добавить «дорогая», но язык не повернулся, хоть и знал, что девушке это понравится, но пересилить себя бывший десантник не мог. «Телячьи нежности» были не для него.

– Привет, дорогой. Освободился уже? – в трубке послышалось нежное щебетание девичьего голоса.

– С работы звоню. Я тут пять минут выкроил. Для тебя специально. Мы же с тобой еще о планах на Новый год не поговорили.

– Ты меня никуда не пригласил, вот я и молчала. Пара предложений мне уже поступила, над ними и думаю.

– Давай вместе встретим.

– Меня, между прочим, в ресторан зовут.

– Кто? – упавшим голосом осведомился охранник, денег на встречу Нового года в ресторане он в своем бюджете не предусмотрел.

– Так, друг детства. Вспомнил, позвонил...

Виктор почувствовал по голосу девушки, что та его «разводит». Нет никакого богатенького друга детства.

– В ресторане толком праздник не встретишь. Не оттянешься по полной.

– И каким образом это ты собрался по полной оттягиваться? Напьешься, как на Восьмое марта?

– Я друзей приглашу, все хорошо будет, – предложил он, – повеселимся.

– Я вчера телевизор смотрела, кстати, ваш канал «Око». Там рассказывали, как у приличных людей принято Новый год встречать. Мне понравилось, как французы его встречают... – сказала Таня и многозначительно замолчала.

– Это как?

– Мы сможем остаться одни на праздник? – тут же вопросом на вопрос ответила девушка.

Виктор жил с матерью и смутно припомнил, что кто-то из подруг ее уже приглашал на праздник. Правда, не мог вспомнить, согласилась старушка уйти из дому или нет.

«Намекну, что ко мне Танька придет, она и отправится до утра. Чего мать для сына не сделает».

– Ты куда пропал? Думаешь?

– Конечно, мы сможем одни побыть. Если что, немного с матерью посидим, курантов дождемся, а потом она спать ляжет.

– Дурак ты. Я серьезно спрашиваю.

– Если надо, она к подругам пойдет.

– Хорошо... Потом не отпирайся, я из-за тебя от ресторана отказываюсь. Новый год по-французски встречают так: расстилают кровать, зажигают свечи. Рядом ставят небольшой столик. На нем шампанское, красное вино, соки, фрукты... Ты меня слушаешь?

– Конечно.

Виктор представил себе, что всю новогоднюю ночь ему придется пить микроскопическими дозами сухое вино и закусывать его фруктами. Молодой мужчина хоть и не был голоден в тот момент, но под ложечкой у него засосало. С того времени, как вернулся из армии, он на Новый год меньше двух бутылок водки под хорошую сытную закуску не выпивал. Ему хотелось спросить: «Это все для тебя. А для меня что?»

– ... и всю ночь занимаются любовью, – чувственно прошептала в трубку Таня.

– Я всегда мечтал о таком, – выдавил из себя бывший десантник.

– Согласен встретить Новый год по-французски?

– Согласен. Только я прямо к самому празднику с работы вернусь, голодный...

– Можно еще поставить на столик легкие закуски. – Чувствовалось по голосу, что девушка уже видит этот самый столик с подрагивающими огоньками свечей и отблески живого огня на еще не смятой постели. – Немного тонко нарезанного копченого мяса, колбасы, рыбы... – продолжала ворковать Таня.

«Рыба. Именно рыба! – вспомнил Виктор. – Я же с соседом собрался завтра на рыбалку пойти, а кто мотыля купит – мы не договорились, не уточнили. Жалко, если сорвется. На льду никто своей наживкой делиться не станет. Надо сразу же после Таньки Климу Бондареву позвонить, пусть он о наживке думает. Прошлый раз я приносил. Хрен с ним – с французским Новым годом, пусть будет, как она хочет, с вином и фруктами, а я в туалете в шкафчик бутылку водки спрячу и сало порезанное с хлебом, буду ходить, отпивать понемногу. Если по глоточку, Танька и не учует».

– ... А завтра мы встретимся? – вернула Виктора к менее отдаленному времени Танька.

– Не могу – работа. Специально с напарником меняюсь, чтобы на Новый год освободиться. Придется два дежурства вместо одного отбыть, – соврал Виктор, но угрызений совести не почувствовал, ради рыбалки он мог и любимую девушку обмануть. – Надо же день заработать, чтобы потом по-французски с тобой отпраздновать!

Он уже всю прошедшую неделю видел себя сидящим на льду Москвы-реки с удочкой в руке, слышал, как переливается вода в лунке, как бьется об лед только что вытщенная рыба. Чувствовал вкус коньяка, который непременно приносил на рыбалку его сосед по улице Клим

Бондарев. Ну не сравнишь же красное сухое вино с обжигающим, согревающим сорокаградусным напитком, особенно если пьешь его на морозе и губы прихватывает к горлышку металлической фляжки. А потом они вернутся и покажут с Бондаревым еще бутылочку «беленькой».

– Дорогой, запоминай, что тебе придется купить, а что мне...

«Бондареву, надо позвонить Бондареву, чтобы мотыля купил. А может, у него мотыль уже есть? Он мужик запасливый и предусмотрительный».

Глава 3

Вечерние улицы столицы нарядны в любой день. Реклама, светящиеся вывески, подсвеченные билдбординги – огромные щиты, вознесшиеся над запруженными машинами улицами, создают праздничную атмосферу. Но особенно торжественен город накануне праздников. Даже лица водителей, обычно угрюмые и недовольные, проясняются. Даже если у светофора пробка, можно постоять, есть на что посмотреть.

Молодые нарядные девчонки в коротких шубках пьют пиво прямо на улице. Тут же может вспыхнуть бенгальский огонь в руке у солидного мужчины, и он преподносит его, как цветок, тем самым смеющимся, давящимся пивом девчонкам. Зажигает еще и еще, огней хватает на всех. И делает это не потому, что хочет «снять» одну из них, а просто так, от переполняющих его чувств, потому что скоро праздник.

Тут же в переулке раздается хлопок. Московская публика немного нервная, кому-то уже мерещится очередной выстрел киллера, но тут же над домами взмывает и рассыпается цветными искрами ракета...

У светофора замер один из тысяч, колесящих по Москве, микроавтобусов. На приборной панели поблескивала огнями, переливаясь мишурой, маленькая искусственная елочка. Мужчина, сидевший за рулем, нервно барабанил пальцами по баранке. У него были коротко подстриженные жесткие черные волосы, аккуратная бородка и нездоровый блеск в темных, как ночная вода, глазах.

– Рамзан, если волнуешься, можем поменяться, я поведу машину, – произнес по-русски с сильным кавказским акцентом сорокалетний мужчина, сидевший рядом с ним.

– Я не волнуюсь, – зло ответил Рамзан, – если бы волновался, не сел бы за руль.

– Всего пять километров по городу, а столько светофоров, – молодая женщина, выросшая в горной Чечне, огромными карими глазами первый раз смотрела на вечернюю Москву.

– Бихлис, тебе здесь нравится? – посмотрел на нее в зеркальце заднего вида Рамзан.

– Жаль, мы не увидим, как изменятся их лица. Хоть на пару дней они перестанут улыбаться, – сказала Бихлис и слегка улыбнулась сама.

– Ты возвращаешься к жизни, – засмеялся Рамзан.

– Я по-прежнему каменная.

– Ты первый раз улыбнулась после того, как убили твоего мужа.

– Я перестала улыбаться, когда погиб мой брат.

– Все мы кого-нибудь потеряли. И я напомним им об этом, – обернувшись в салон, произнес мужчина, сидевший рядом с шофером.

– Мы еще не приехали на место, Умар, – напомнил ему Рамзан.

В салоне микроавтобуса сидели еще четверо: трое мужчин и одна молодая женщина. Наконец светофор мигнул и переключился на зеленый свет.

– В средних рядах держись. Менты машины в крайних останавливают. Нам сейчас попадаться не с руки.

Микроавтобус медленно покатил вслед за троллейбусом, улицу хоть и чистили всего час тому назад, но ее густо засыпал снег, и машины носило из стороны в сторону.

– Не бойся, никого не зацеплю. Я автомобиль по горной дороге водил, перевалы преодолевал, и ничего со мной не случилось. Город – не горный серпантин.

На следующем перекрестке Рамзан перестроился в правый ряд и свернул в узкий проезд.

– Правильно едем?

Умар утвердительно кивнул.

– Снегом все засыпало, потому и не узнаешь место. Да еще иллюминация вокруг. Я тут чаще твоего бывал. Правильно выехали.

Лица чеченцев стали напряженными, узкий переезд выходил к оживленной улице, на другой стороне которой виднелась стоянка, а за ней просматривался сквер. Когда микроавтобус съезжал с бордюра, под задним сиденьем звонко звякнуло железо.

– Я же сказал, автоматы завернуть в тряпки, – процедил сквозь зубы Умар, чувствовалось, что он здесь самый старший, не только по возрасту, но и по положению.

Было достаточно одного его взгляда, чтобы другие отводили глаза в сторону. На светофоре микроавтобус развернулся и поехал в обратном направлении. Умар даже стекло опустил, боясь пропустить поворот.

– Может, на стоянке машину оставить, пешком дойдем? – прошептал Рамзан. – С краю место свободное есть. Снег в сквере глубокий, можем застрять. А людей в нем не видно.

– Застрянем, тогда и пойдем пешком, – Умар махнул рукой, – сворачивай!

Микроавтобус проехал в ворота сквера, за ним по аллейке потянулась глубокая колея. На подъеме машина взобралась легко и замерла, не доехав ста метров до входа в бывшее бомбоубежище, в котором разместились студия кабельного телеканала «Око». Мотор замолчал. Умар распахнул дверцу, сидел, прислушивался, пытаясь отделить посторонние звуки от гудения огромного города, вглядывался в ярко освещенное крыльцо студии, увенчанное вывеской.

– Теперь напоминаю, – сказал он, – над крыльцом камера наблюдения. Они вас увидят, когда вы поравняетесь со старым каштаном. До этого вы в тени. – Умар взглянул на часы: – Приехали, как и рассчитывали, минута в минуту. Начали.

В тесном микроавтобусе мужчины сбрасывали куртки, под которыми был камуфляж. Двое чеченцев повязали на головы зеленые повязки с арабской вязью. Женщины, перебравшись к зеркальцу, надели парики, превратившись из жгучих брюнеток в блондинок, и тут же не очень умело принялись подкрашивать губы, глаза. Руки у них дрожали.

– Бихлис, у тебя глаз криво подведен. Дай я подправлю.

В светлых пальто женщины первыми выбрались из машины. Умар протянул Бихлис пистолет с массивным глушителем. Женщина привычно передернула затвор, сунула руку с оружием в разрез пальто.

– Что бы у вас ни спрашивали, говорить будет только она, – напомнил Бихлис Умар, – у нее совсем нет акцента.

– Конечно, пять лет в Москве училась, – ответила чеченка в легкомысленном желто-соломенном парике.

Если еще пять минут назад она выглядела как «черная вдова», то теперь смотрелась немного разгульной, но вполне приличной городской женщиной.

– Охрану уложить в первую очередь, – шепнул Умар, – не подведи. Ждать нельзя.

Женщины, пряча оружие под пальто, неторопливо пошли к освещенному крыльцу. Мужчины уже выбрались из микроавтобуса, разобрали автоматы. Нелепо и в то же время страшно смотрелся этот небольшой отряд в безлюдном московском сквере. Казалось, только что мужчины спустились с гор и сразу же попали в российскую столицу. Автоматные рожки были связаны изолентой навстречу друг другу для того, чтобы, как только кончатся патроны в одном, тут же перевернуть его, присоединить второй и продолжить стрельбу. На Умаре и Рамзане были сшитые из камуфляжной материи жилетки, очень похожие на те, что носят телеоператоры. Только из карманчиков торчали запалы гранат с покачивающимися кольцами, патроны и пара ножей. Рамзан задвинул дверцу микроавтобуса и не заметил, как на снег упал военный подсумок, из которого только что достали автоматные рожки.

– Все готовы? – спросил Умар. – Тогда пошли.

Люди двигались гуськом, ступали след в след, так, как привыкли ходить в горах, прячась от преследователей-федералов. У старого каштана Умар остановился и поднял руку. Все пятеро мужчин замерли.

– Сколько там может быть человек? – тихо спросил Рамзан.

– Десять-пятнадцать мужиков и с десяток баб. Если почувствуешь, что мужики настроены зло, решительно, сразу кончай тех, кто нам не будет нужен.

– Мы мигом поставим их на место. Сделают все, что потребуется.

Охранник за стойкой с легким удивлением посмотрел на монитор камеры наружного наблюдения – на крыльце перед входом в студию стояли две молодые, незнакомые ему блондинки. По вечерам посторонние на студию обычно не приходили.

«На машине приехали, – машинально отметил охранник, не увидев на их волосах и пальто снега, – стройные».

Бихлис вдавила кнопку переговорного устройства и тут же отступила в сторону, давая место подруге, прекрасно говорившей по-русски.

– Вы к кому? – достаточно строго спросил охранник, за время работы у него выработался особый стиль разговора с посетителями.

– Мы на конкурс, – потек из динамика взволнованный женский голос, – телеведущих.

– Конкурс проходит днем. Приходите завтра.

– Я понимаю... но так получилось, что мы с подругой только сегодня о нем узнали. Мы хотели бы познакомиться с условиями, чтобы успеть подготовиться. Нам сказали, что условия можно получить прямо у вас, на входе...

Охранник разглядывал женщин на мониторе. На торговых агентов они не походили. Их Балуев велел гнать в три шеи с самого крыльца, чтобы не мешали работе. Насчет тех, кто приходил на конкурс телеведущих, никаких специальных запретов не поступало. Он порылся в бумагах, среди прочей бесполезной макулатуры – не забранных вовремя писем, газет – оказалось и несколько распечатанных мелким шрифтом анкет для конкурса ведущих.

– Входите после щелчка. Дверь на себя, – охранник вдавил кнопку.

Вошла только одна женщина. Охранник отметил, что глаза и губы покрашены слишком грубо, да и блондинка – крашеная, темные брови выглядывали из-под короткой челки парика.

«Не возьмет ее Балуев к себе на работу. Зря только баба время тратит».

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Вот анкеты, – охранник положил на стойку листки.

– А где ваш напарник? – подходя к стойке и заглядывая за нее, спросила женщина.

– Вышел на минутку, – не задумываясь, произнес охранник заранее приготовленную для начальства фразу, – что же ваша подруга не заходит?

– Стесняется. Сейчас позову.

– Стеснительные в телеведущие не идут.

Бихлис стояла на пороге и держала дверь, не давая ей закрыться.

– Охранник один, иди, – шепнула чеченка.

Бихлис лишь кивнула и прошла в тамбур.

Охранник увидел перед собой зло улыбающуюся женщину, губы ее нервно кривились. Лево́й рукой она придерживала полу светлого пальто. И тут глаза его широко открылись. Женщина в криво сидевшем парике выхватила из разреза пистолет с массивным глушителем, и охранник увидел маленькую черную дырочку, нацеленную прямо в его глаз. Он даже не успел вскрикнуть, нажать на кнопку сигнализации, не успел спросить: «Кто вы такие?»

Бихлис без промедления нажала на спусковой крючок. Выстрел оказался почти бесшумным. Пуля вошла точно в глаз охранника и застряла в голове, глушитель сильно уменьшил начальную скорость пули. Охранник осел в кресло, стягивая за собой со стойки бумаги, голова его глухо ударила в стол. Бихлис повернулась и стала с пистолетом на изготовку у выхода в коридор.

До ее слуха долетали обрывки разговоров, она слышала торопливые шаги, звуки открывающихся и закрывающихся дверей.

Женщина, почти не задумываясь, выстрелила бы в каждого, кто показался в проеме, она вздрогнула, напряглась, когда захрустел пластиковый коврик у выхода на улицу, и облегченно вздохнула, увидев Умара. Он вошел – высокий, в камуфляже, с коротким десантным автоматом в руках. За ним, чуть пригнувшись, появился Рамзан. Трое оставшихся чеченцев вошли в натянутых на головы масках с прорезями для глаз.

– Саламбек, закрой железную дверь, – на ходу произнес Умар и подмигнул Бихлис, – ловко ты его уложила.

Саламбек вместе с товарищем закрыли тяжеленную входную дверь и завернули маховик засова. Теперь открыть ее можно было только изнутри.

Умар зашел в коридор решительно. Находившиеся в нем трое сотрудников студии даже не сразу шархнулись от его автомата в сторону. И только негромкий окрик Рамзана: «На пол, руки за голову!» – заставил их упасть, уткнуться лицами в мягкое ковровое покрытие.

Умар бросил взгляд на табличку с фамилией владельца и спокойно вошел в кабинет. Его люди тут же рассыпались по бомбоубежищу, повсюду укладывая сотрудников на пол.

Продюсер сидел с конвертом плотной бумаги в руках, нервно мял его, ощущая тонкую пачку фотографий. Балуев рисовал ему на листе бумаги, как ему видится расстановка камер при новом оформлении студии. Хозяин вскинул голову, недоумевая, кому это могло прийти в голову зайти в его кабинет без вызова и даже без стука. Он медленно положил маркер, которым только что прочертил жирную линию, сжал пальцами край стола.

Продюсер прикипел к стулу. Даже если бы ему крикнули сейчас «пошел вон», он бы не сразу поднялся.

– Вы... – сказал Балуев и замолчал, поняв, что все сказанное им уже не имеет никакого значения, человек с автоматом может диктовать любые условия.

– Да, это мы, – ответил ему в тон Умар. – Не ждали?

– Не ждал.

– Я не один. Нас семеро, и все вооружены.

Умар глянул на офисный коммутатор и, обойдя стол, вырвал из него все провода, швырнул их в корзину. И тут продюсеру показалось, что Балуев просит его о чем-то взглядом.

«Телефон, он намекает на телефон, – как всякий творческий человек, продюсер тут же додумал ситуацию, – чуть сдвигаю трубку на аппарате и набираю 02. В милиции услышат через микрофон громкой связи, что здесь происходит».

Продюсер, глядя в потолок, потянулся к телефону, но тут же рукоятка десантного автомата ударила ему по пальцам.

– Это кто? – спросил Умар у Балуева.

– Продюсер.

– Продюсер мне не нужен. Пока мне нужны вы.

Балуев понял, что если его не пристрелили сразу, да еще назвали на «вы», то есть шанс уцелеть.

– Кто вы такие? – спросил он, переведя дыхание.

– Неважно. Важно только то, что надо мне. Для тебя важно. – Ствол автомата повернулся к Балуеву. – Сейчас ты включишь селектор и объявишь всем, что студия захвачена и что сопротивляться нет смысла. Что все мои указания должны выполняться сразу. Передачи должны идти так, как шли.

Владелец «Ока» нажал клавишу селектора. Пользовался он им редко, обычно лишь поздравлял сотрудников с победой на фестивале или с праздниками.

– Это я, – произнес он в микрофон. – Студия захвачена вооруженными людьми. Не сопротивляйтесь, не пытайтесь убежать или сообщить наружу о случившемся, исполняйте все их требования, эфир продолжается по графику. Никакой самодеятельности. – Балуев отпустил клавишу и поднял глаза: – Я все правильно сделал?

– Абсолютно.

– А теперь поговорим. Что вам надо? Я человек бизнеса, и лишние неприятности мне ни к чему, – Балуюв посмотрел на продюсера.

– Он может оставаться. Секретных планов у меня нет. Включив новости, зрители увидят меня и моих парней. Готовьте студию к эфиру. У меня есть обращение к москвичам, которое я зачитаю.

У Балуюва хватило ума и осторожности не спорить, не просить текст обращения, свое теперешнее положение он понимал отлично. Надо будет, ему покажут. У Бахира Бахировича в голове мелькнула крамольная мысль: «Студию в Москве захватили террористы – эта новость пройдет по всем каналам в мире. Такую рекламу за деньги не купишь».

– Хорошо, я сделаю все, чтобы вы вышли в эфир со своим сообщением.

– Обращением, – напомнил Умар.

«Несмотря на автомат, камуфляж, он выглядит интеллигентно, – решил Балуюв, – наверняка получил хорошее образование. По-русски говорит свободно, хоть и с акцентом, но слов не коверкает. На переговоры зашел один. Почти не угрожает. Мы договоримся».

– Что будет потом, когда вы выйдете в эфир? – напрямую спросил Балуюв.

Умар засмеялся:

– Я бы хотел после этого забрать своих людей и уехать домой. Но это уже зависит не от вас и не от меня. Как только я появлюсь на экранах телевизоров, сюда пригонят и ОМОН, и спецназ. А я не могу позволить, чтобы в следующем выпуске новостей показали, как меня выводят из вашего бомбоубежища в наручниках с мешком на голове. Вторая часть моего плана – секретна.

«Он даже маски не надел – смертник, – решил Балуюв, – тут уж не до рекламы. Одна надежда, что он отпустит заложников до начала штурма. Сам штурм не страшен, имущество и оборудование студии застрахованы. Главное – выжить».

– Кто у вас готовит выпуск?

– Собрать их? – Балуюв хотел подняться из-за стола, но Умар остановил его.

– Вы оставайтесь. Он справится? – террорист показал на продюсера.

– Он моя правая рука. Я только хозяин. Производство на нем.

– Вот и отлично, – Умар приоткрыл дверь и махнул рукой Бихлис.

Чеченка зашла, сорвала с головы парик и бросила его на пол, пистолет она продолжала держать в правой руке.

– Только что она пристрелила вашего охранника. Ей пришлось это сделать. Посторожи его и никого, кроме меня, сюда не впускай.

– Я помню, Умар.

– Какого охранника? Виктора?

– Я не стала спрашивать, как его зовут.

Бихлис положила руку с пистолетом на стол. От тяжести оружия уже занемели пальцы, но ствол пистолета смотрел на Балуюва. Владелец студии заглянул женщине в глаза и понял, что Умар не блефует. Но что случилось со вторым охранником?

– Пошли. И не вздумай дурить, – Умар повернулся к Балуюву, – мои люди уже минируют твою студию. Если пойдет не по плану, мы все взлетим на воздух.

Бихлис и владелец «Ока» остались наедине. Балуюв нервно поежился. Спокойствие террористов убеждало его в том, что действуют они расчетливо и хладнокровно, а значит, вряд ли совершат ошибку.

– Нервничаешь? – спросила женщина.

– Немного, – Балуюв почувствовал, как страшно хочется закурить, хотя он и бросил два года назад.

– Делай, что тебе велят, и будешь жить.

Владелец кабельного канала натужно улыбнулся:

– Стараюсь.

Бихлис, не выпуская пистолета из руки, вытащила пачку сигарет, бросила ее на стол.

Очень ловко – одной рукой, извлекла сигарету, щелкнула зажигалкой, посмотрев в этот момент не на свои пальцы, а на табличку, запрещающую курить.

– Здоровье бережешь? Жить долго собрался?

– Разрешите возьму? – Балуев приподнял руку.

– Кури, – безразлично разрешила Бихлис и глушителем подвинула пачку, – на оставшееся время здесь курева на двоих хватит и еще останется.

Дрожащими руками Балуев прикурил и затянулся. С того дня, как он бросил курить, почти каждую ночь ему снилось, что он курит, курит, курит... Понимал, что это происходит во сне, и потому пытался накуриться вдоволь до того времени, когда проснется.

«Вот и сейчас я как во сне, – глядя на извивы дыма, подумал Балуев, – можно курить сколько влезет. Интересно, когда все окончится, я смогу снова бросить?»

– У тебя что, дел нет? – взорвалась Бихлис. – Бумаги посмотри, книжку почитай, только не смотри на меня. Мужчина бояться не должен.

– Пистолет можно убрать? – робко поинтересовался Балуев.

– Нельзя, – Бихлис слегка повернула голову, прислушиваясь к звукам, доносящимся из коридора, там раздавался женский плач.

Умар уже не беспокоился насчет Балуева. Хватило и нескольких фраз, чтобы понять: хозяин студии сделает все, что от него требуется. Главарь террористов стоял в студии, осматривая декорации. Старый оператор замер возле камеры. За стеклом аппаратной видеоинженер с каменным лицом смотрел на монитор, на котором мелькали кадры рекламы.

– Что тебе надо? – не слишком определенно спросил Умар у оператора.

– Я хоть сейчас готов работать.

– Сейчас не надо, выйдем точно по времени. Ты хороший оператор?

– Плохих здесь не держат.

– Руки не задрожат?

Оператор вытянул руки – пальцы оставались неподвижными.

– Это профессиональное. Я даже во время землетрясения снимал.

– Жди здесь, – Умар покинул эфирную студию.

Его люди уже выстроили у стен коридора сотрудников студии. Мужчины стояли отдельно – напротив женщин. Умар шел между ними.

– Где второй охранник? – он заглядывал в глаза.

– У нас только один, – попыталась соврать бухгалтер.

– Я знаю, что их должно быть два. Где второй?

– Не знаю... Не видел... – звучало в ответ.

Глава 4

Тем временем ни о чем не подозревавший охранник Виктор уже окончил обсуждать встречу Нового года по-французски. Он слышал какие-то далекие голоса в коридорах студии. Но на студии довольно часто бывало шумно, особенно перед выходом в эфир. Это уж потом, во время новостей, в коридорах наступала мертвая тишина. Даже хозяин в своем кабинете говорил тогда полупшепотом.

«Так. Хорошо, что Танька про рыбу напомнила, – подумал Виктор, проходясь по клавишам мобильного. Номер своего соседа Клима Бондарева он помнил наизусть. – Дома, он дома, даже если долго трубку не берет. Телефон ищет».

– Привет, Виктор, – раздалось в наушнике.

– Клим, рыбалка не отменяется?

– Пока – нет.

– Вы мотылем запаслись? А то я перед работой на «пяточок» ходил, так у Петровича мотыль уже кончился, а у Федьки мелкий был... – врал Виктор, пытаясь оправдаться перед соседом, которого безмерно уважал за обязательность.

Несмотря на то, что Бондарев называл Виктора на «ты», охранник неизменно обращался к нему на «вы».

Умар остановился напротив ассистентки режиссера, молодая женщина дрожала. Не выдержав взгляда, закрыла лицо руками. Главарь террористов взял ее за волосы, развернул лицом к себе.

– Руки убери. В глаза мне смотри. И ты, Тася, не знаешь, где он?

Стоявшая рядом редактор смотрела на заплаканную ассистентку, с ужасом ожидая, что вот-вот придет и ее очередь.

– Умар, я не знаю, не знаю, где он.

И тут за поворотом коридора чуть слышно скрипнула дверь. Рамзан тут же развернул автомат на звук.

– Ты сказал, что всех собрал? – прошептал Умар Рамзану.

– Всех, кого нашел.

Из-за поворота всего на мгновение выглянула девушка, занимавшаяся набором текстов и титров передач на компьютере. Последние десять минут она провела, держась изнутри за ручку двери в женском туалете, не решаясь оттуда выйти. Она слышала только, как ойкнула ее подруга, выходя в коридор, как кто-то схватил ее, и подруга торопливо выкрикнула: «Там больше никого нет». Выйти после этого стало боязно. Но проходили минуты, и все это стало казаться девушке каким-то дурацким розыгрышем. Не сидеть же весь вечер в туалете! Может, показалось или не так поняла.

Она выглянула в коридор – пусто. Стараясь ступать осторожно, подобралась к самому углу. Она, конечно же, слышала, как кто-то с кавказским акцентом допытывался, где второй охранник, но работала она недавно, начальство по голосам еще не узнавала. Такой вопрос мог интересовать и Балуюева. Девушка выглянула, и почти тут же прозвучал выстрел. Пуля, выпущенная из автомата Рамзаном, вспорола панель над самой ее головой.

– Схватить! – крикнул Умар, даже не успев толком рассмотреть, кто выглядывал из-за угла.

Тут же двое его людей в черных масках исчезли за поворотом. Они били прикладами в дверь туалета, за которой спряталась и заперлась девушка.

Заслышав выстрел, Виктор тут же вскочил со стула.

– Погодите, Клим, – торопливо сказал он в трубку, – у нас на студии что-то происходит, кажется, стреляли.

Виктор чуть приоткрыл дверь силовой электроподстанции и выглянул в щелку. Двое мужчин в камуфляже, в масках, выбивали прикладами дверь женского туалета. Но тут же пришлось отпрянуть от двери, по коридору кто-то бежал на помощь ломившимся.

Виктор поплотнее прикрыл дверь и просунул в дверную ручку ножку стула.

– Тут какие-то маски-шоу понаехали. Камуфляж, оружие. Дверь ломают, – сказал он, вновь поднося трубку к уху.

– ОМОН? – спросил Бондарев.

– Не знаю, может, и ОМОН. А может... кажется, кавказцы поговору... – он говорил, прижавшись ухом к двери.

– ОМОН стрелять не стал бы, – уверенно сказал Бондарев, – да и кавказцев туда практически не берут.

– Даже не знаю, что и делать.

– Позвони, вызови милицию. Если это ОМОН, то они будут в курсе. И тут же перезвони мне.

– Я сейчас.

Виктор не сразу сообразил, как с мобильного звонить в милицию.

«Надо набирать код? Или нет?»

– Милиция. Дежурный слушает, – наконец раздалось в трубке.

– Это пост охраны кабельной телестудии «Око» в Коломенском. Ворвались неизвестные люди в масках и с оружием...

– Они вам документы показывали, представлялись?

– Не знаю, может, напарнику на посту что-то и показывали, – шептал Виктор в трубку, – может, это и ОМОН. Но они стреляли...

– Сколько их?

– Я видел двоих. Камуфляж, черные маски.

В голосе охранника не чувствовалось уверенности. Дежурный тоже понятия не имел, проводится ОМОНОм операция на телестудии или нет. О таких вещах никто не предупреждает. Иначе все документы успеют уничтожить или вывезти.

– Попробуйте выяснить, кто они, – спокойно предложил дежурный.

– Я забаррикадировался в электрощитовой. Пришлите наряд. Может быть, это террористы.

– А может, и ОМОН, – хмыкнул дежурный на другом конце линии, – знаете, сколько ложных вызовов о террористах и бомбах поступает?

– Я охранник студии и официально вызываю милицию, – не выдержал Виктор.

– Ладно, – сдался дежурный. – Мы приедем, но если вызов ложный, вам придется отвечать за него. Хотя у вас должна быть «тревожная кнопка».

– Я же не на посту сейчас.

– Назовите полностью имя, фамилию, должность...

Наборщицу выволокли из туалета, поставили рядом с другими сотрудниками «Ока».

– Проверить все помещения, все подсобки, – шипел Умар.

Дверь в подстанцию дернули из коридора. Виктор, только что поговоривший с милицией, замер, так и не успев набрать номер Бондарева. Он толком не знал, чем занимается его сосед, на эту тему они никогда не говорили, но охранник чувствовал, что у Клима есть влиятельные друзья, которые в случае чего помогут.

– Закрото, – послышался негромкий голос снаружи.

– Какое тебе, закрыто! Видишь, замок болтается. Ломай дверь! – настаивал Умар. – Там он и сидит. Больше негде. Открывай! Ты что, не слышал, твой хозяин сказал – никому не сопротивляться?!

Дверь уже дергали изо всех сил, стул, вставленный в ручку, трещал. Дверное полотно, оббитое с двух сторон оцинкованной жестью, ходило ходуном. Виктор схватил с пожарного щита кирку с деревянной ручкой, выкрашенную в красный цвет, и изготовился ударить ею, как только сорвут дверь. У него уже не оставалось сомнений, что в студии террористы. Но тут в дверь ударила короткая автоматная очередь. Виктор отскочил в сторону.

– Не стреляйте, идиоты. Силовой щит разобьете, без света останемся. Открывай, все равно выковыряю.

«Где же менты? – в отчаянии подумал охранник, и тут до него дошло, чего больше всего боятся за дверь, – боятся не того, что я выйду. Боятся того, что я отключу свет. Они в эфир хотят выйти! Или вышли уже?»

Слегка поддавшуюся дверь уже пытались подцепить с внешней стороны то ли ломом, то ли лопатой. Трещала деревянная дверная коробка.

«Хрен вам!» – подумал Виктор и, развернувшись, ударил киркой в распределительный щит.

Острые глубоко провалилось в тонкую жесть, мигнул свет, посыпались искры. Охранник вырвал кирку и нанес еще несколько ударов. Сыпалось стекло, гасли рубины индикаторных огоньков, разлетались обломки керамических трубок предохранителей, фонтанами брызгали искры, расколотые корпуса выключателей-пакетников хрустели под ногами. Свет то исчезал, то загорался вновь. Из щита валил едкий дым горелой изоляции.

– Вытащите его, пока он все не уничтожил! – надрывался Умар.

В дверь уже стреляли из двух автоматов сразу. Виктор, прижавшись спиной к холодной бетонной стене, ждал с занесенной киркой в руках. Еще раз вспыхнул фонтан электрических искр, запрыгали по резиновым коврикам у распределительного щита капли расплавленной меди, и вся студия погрузилась в темноту – глубокую и непроглядную. Раздался истошный женский визг, от которого у Виктора мороз прошел по коже.

Хрустнула дверь, распахнулась, и замелькали вспышки выстрелов. Охранник наугад опустил кирку. Она провалилась в пустоту и высекла искры из бетонного пола. На него тут же кто-то навалился сверху, посыпались удары, лишь часть из которых достигала цели.

Щелкнула зажигалка, выхватив из темноты белки глаз и оскаленные зубы в прорезях маски. И тут раздался сухой щелчок, под потолком тускло загорелась выкрашенная красной краской пыльная лампочка. Включилось аварийное освещение. Редкие лампочки загорелись и в коридорах, в студии. Темнота рассеялась. Виктор попытался ударить в лицо террориста, душившего его, но тут же получил удар ногой под ребра и ствол автомата уперся ему в лоб.

Умар, чуть склонив голову, смотрел на распростертого на полу Виктора, глаза обоих мужчин горели ненавистью друг к другу. Рамзан закашлялся. Из щитовой валил густой едкий дым, хоть огня и не было видно.

– Ты прожил чуть дольше, чем я хотел, – на удивление спокойно проговорил Умар и опустил ногу на шею охранника.

Он вдавливал кадык постепенно, вслушиваясь в то, как задыхается его пленник. Нogu он убрал, когда обессилевший Виктор уже терял сознание.

– погоди, – остановил Умар Рамзана, когда тот снял со стены газовый огнетушитель и собирался уже направить струю на дымившийся щит, – пусть немного погорит.

– Мы же задохнемся.

– Вентиляция здесь неплохая.

– Она тоже отключилась.

– Наладим. Иначе в эфир не выйдем.

Среди оплавившихся проводов то и дело проскакивали искры. Умар поднял с пола погнутую медную пластину, вылетевшую из рубильника, и бросил ее на щит, так, как бросают камешек в воду. Пластина мгновенно вспыхнула, разлетевшись расплавленным металлом. Главарь

террористов усмехнулся, подручные прочли его желание и без слов подхватили Виктора за руки, с размаху бросили грудью на оголенные провода щита. Он всего на долю секунды коснулся их. Кавказцы слишком быстро разжали пальцы, опасаясь, что и их ударит током. Рослый охранник дернулся и упал на резиновые коврики. Даже в коридоре почувствовался запах сгоревшей плоти.

Рамзан поставил у ног огнетушитель и поднял автомат, готовый добить Виктора.

– Вечно ты спешишь, – усмехнулся Умар, с высоты своего роста рассматривая обожженную, еще дымящуюся грудь охранника, – сам и без нас дойдет, – он перевел взгляд на слабо пульсирующую жилку на шее Виктора.

Биение было неровное, еще пара толчков, и синяя жилка стала неподвижной. Умар поднял голову:

– Теперь отключай общий рубильник и можешь загасить огонь. Тут где-то есть резервная автономная подстанция, мы ее и запустим.

Виктор лежал на спине, его глаза были широко открыты, но он уже не видел ни слабо освещенного потолка, ни террориста, склонившегося над ним. Не слышал он и голосов, звучащих на студии. В его угасающем сознании одна за другой возникали и гасли картины.

Вот он сидит с удочкой над прорубью, сосредоточенно глядя в воду, а на снегу еще подрагивает, но уже коченеет небольшой окунь. Откуда-то со стороны ему подают плоскую фляжку с коньяком, он делает пару глотков и чувствует, как спиртное приятно обволакивает, согревает застывшее на морозе горло.

А потом вдруг возникает его небольшая комната с расстеленной кроватью и с сервированным столиком. Горят свечи, а на тарелке еще шевелит хвостом обледеневший, искрящийся чешуей окунь. У столика стоит обнаженная Танька в туфлях на высоких тонких каблуках и говорит: «Рыба, специально для тебя, дорогой».

«Но почему так болит в груди?» – не понимает Виктор.

От этой боли темнеет в глазах. Совсем темно. И тут ярко вспыхивает солнце. Вокруг снова заснеженный лед Москвы-реки, пронзительно синее, как бывает только зимой, небо. На льду вдалеке рыбаки. И тут же, возле лунки, журнальный столик с едой, выпивкой, на нем поблескивает плоская коньячная фляжка Клима Бондарева, по бокам от нее горят две свечи. Горят ровно, так, как никогда не бывает на улице, даже в самый безветренный день, так, как горели бы они у него в комнате на «французский» Новый год. А возле столика стоит голая Танька на своих каблуках-шпильках с бокалом шампанского в руке. И никакого смущения в глазах, что на нее, бесстыжую, смотрят и другие мужики, собравшиеся порыбачить. Виктору уже как-то не до нее, кружится голова, боль из груди уходит и меркнет свет... Снег становится серым, блекнет небо, в лунке чернота, словно туда тушь налили. Только два огонька свечей пробиваются сквозь мглу, как волчьи глаза в ночном лесу, но и они уходят. И больше нет ни звука, ни вспышки, ни мысли, ни желания... ничего.

Рамзан боязливо опустил рубильник и повернул рычаг на головке огнетушителя. Из труба на оплавленный электрощит полетел клубящийся белесый газ. Он отбросил опустевший огнетушитель к стене и повернулся к Умару.

– Надо попробовать восстановить щит.

– Что тут уже восстанавливать? Закрой дверь, меньше дыма будет.

Умар уверенно пошел по коридору. Никто из сотрудников студии в ту недолгую минуту, когда погас свет, и не подумал убежать. А куда удерешь? Бросишься, и наткнешься в темноте на автоматную очередь. Уж лучше затаиться, присесть, прижаться к стене, закрыв голову руками.

– Что там было? – шептала ассистентка.

– Не знаю, кажется, убили...

– Кого? Виктора? Они же именно его искали.

– А что Балуев?

Умар на ходу только посмотрел на женщин, и те тут же замолчали.

– Разведите их по нескольким кабинетам, – приказал он, – только под ногами путаются. Всех, кто работает на эфире, по рабочим местам.

– Мы не сможем выйти в эфир. Все обесточено, – вставил продюсер.

– Это не твоя забота, – Умар резко распахнул дверь кабинета владельца «Ока» и тут же закрыл ее за собой.

Бихлис ни о чем не спрашивала, она выполняла то, что поручил ей главарь. Когда погас свет, тут же щелкнула зажигалкой и не гасила ее до тех пор, когда не зажглось тусклое дежурное освещение. Теперь оплавленная пластиковая зажигалка лежала на столе. Балувев мрачно смотрел перед собой.

– Твой охранник – идиот. Он уничтожил подстанцию, – зло сказал Умар.

Балуев неуверенно пожал плечами:

– Я ему этого не приказывал. Наоборот, сказал, чтобы никто не сопротивлялся...

– Кто-нибудь звонил? – спросил Умар.

– Телефон молчал. – Бихлис положила ладонь на телефонный аппарат, подняла трубку и вслушалась в гудок. – Работает.

– План студии есть? Где документация? – рывкнул Умар, перегнувшись через широкий стол и хватая Балувеву за лацканы пиджака.

Аморфность и нерешительность владельца бесили его.

– Здесь, все здесь... – Балувев осторожно, избегая резких движений, выдвинул ящик письменного стола, в котором лежало несколько пухлых папок, – и паспорт сооружения, и договор аренды, планы коммуникаций...

– К черту все! Где резервная подстанция?

– Я не вникал... знаю, что она есть. По договору, я должен поддерживать бомбоубежище в рабочем состоянии. Я покажу, я помню, – Балувев поднялся из-за стола, – вы у наших инженеров спросите.

– Резервная станция работает?

– Должна.

– Пошли.

Балуев вышел из кабинета с заложенными за спину руками, как делают это заключенные. Он посерел лицом, ссутулился. На полдороге просветлел лицом.

– Ключи есть на посту охраны. Они все подписаны. Пожарный набор.

Когда дверь в конце коридора наконец открылась при помощи запасного ключа, Умар присвистнул. В небольшом бетонном помещении стоял военный дизель-генератор, густо покрытый смазкой. Электрический щит местами успела покрыть ржавчина.

– Да, автономная электрическая станция, – подтвердил Балувев, – на случай атомной войны.

Умар постучал костяшками пальцев по топливному баку, тот отозвался глухо, но все же на всякий случай главарь открыл крышку, уплотненную куском резины.

– Солярка есть. Кто у нас хорошо в моторах разбирается? – спросил он у Рамзана.

Один из террористов стянул с головы черную маску:

– Я сварщиком до войны работал, у нас в строительном управлении такая станция была. Попробую с братом разобраться.

– И поспешите. Времени мало осталось.

К Умару подбежала Бихлис.

– Телефон в кабинете звонит, не умолкает.

– Конечно же, – недовольно пробурчал Умар, – фильм прервался, раз света нет. Вот и звонят. Черт... Отвечай, что все в порядке, техническая проблема, скоро исправим... Хотя

нет, пусть лучше под твоим присмотром какая-нибудь их девчужка говорит. Незачем твой акцент светить.

* * *

Клим Бондарев остановился у дерева, прижался плечом к стволу и не спеша осмотрелся. Обычно днем сквер был многолюден. Резвились дети, собаководы выгуливали своих питомцев. Кто-то ездил на лыжах, дети на саночках катались с холма бомбоубежища, как с горки.

Но этим поздним вечером вокруг не было ни одной живой души, и Климу показалось, что в холодном морозном воздухе разлито тревожное предчувствие. Он взглянул на припорошенные деревья. Несколько снежинок упало ему на лицо.

Он быстро, беззвучно, как тень, стал перемещаться от дерева к дереву, приближаясь к входу в бомбоубежище.

Неподалеку от студии стоял брошенный микроавтобус. У заднего колеса в снегу валялся камуфляжный подсумок. Бондарев поднял его, осмотрел и положил точно на то место, где поднял, словно это имело какое-то значение.

«Снег мне в помощь. След в след шли. Привычку ничем не изменишь. Так ходят те, кто привык скрываться», – рассуждал Клим, глядя на отчетливые следы, ведущие от машины ко входу.

Все так же таясь, перебегая от дерева к дереву, он двигался вокруг бомбоубежища, тщательно осматривая и изучая все вокруг.

Клим увидел темный, подтаявший снег. Нагнулся, зачерпнул его в ладонь. Снег был тяжелый, влажный. Затем ковырнул носком ботинка: под коркой снега чернела мокрая земля, а дальше до самой ограды простиралась проталина с зеленевшей посреди зимы травой.

– Теплотрасса, – пробормотал Бондарев и посмотрел с одной стороны в другую, взглядом определяя по протаявшему снегу направление теплотрассы. Затем побежал к близлежащим хрущевкам.

Он бежал вдоль теплотрассы – ни одного люка, пересек улицу. У дома немного задержался, затем быстро по засыпанным снегом ступенькам спустился к двери, на которой трафаретом была отбита надпись «Бойлерная». Пар пробивался сквозь щели на дверях и замерзал, превращаясь в сосульки.

Клим несколько раз дернул дверь. Та хрустнула, скрипнула, но подалась, немного приоткрылась. Он схватился двумя руками за дверное полотно, уперся ногой в стену, потянул дверь на себя изо всех сил. Та немного изогнулась, завизжала, заскрипела и, преодолевая сопротивление снега, медленно открылась. Затхлый горячий воздух вырвался из подвала и за клубился.

Бондарев оказался как в тумане. Он сплюнул, запах был премерзкий. Под ногами плескалась горячая вода. В руке Клим появился телефон. Экран дисплея вспыхнул, осветив отрезок бетонной стены. Три круглых старомодных выключателя на разбухших деревянных колодках красовались на кирпичной кладке. Потолок в бойлерной был низкий. Журчала вода, где-то всхлипывал пар, вырываясь из проржавевшей трубы.

Один из выключателей оказался исправным. В глубине подвала вспыхнула слабая лампочка в ржавом проволочном колпаке, она немного осветила вонючую бойлерную. Прямо под ногами плавал дохлый разварившийся кот, над ним клубился пар.

«Сварился, бедолага», – подумал Бондарев, направляясь в глубину бойлерной – туда, куда тянулись толстые магистральные трубы.

Карабин он пока не расчехлял. Держа в правой руке телефон, Бондарев медленно пробирался к возвышению. Оно находилось в сухом месте, у тяжелой, обитой железом двери. Над дверью прямо в стену уходили трубы, замотанные стекловатой.

«Вот и теплотрасса. Туда, наверное, уже лет двадцать нога человека не ступала. Там, должно быть, смрад почище, чем здесь, хотя может быть сухо, трубы-то горячие».

Эта дверь, на вид кажущаяся непреступной, открылась на удивление легко. То, что там не будет света, Клим не сомневался. Так и оказалось. Пригнувшись, выставив вперед левую руку, иногда для верности вода ею из стороны в сторону, не включая экранчик на своем мобильнике, Бондарев двинулся в сухой, пропахший ржавчиной и сгоревшей изоляционной лентой теплый воздух теплотрассы. Он мысленно представлял себе улицу, сквер, под которым должна проходить эта ветка теплотрассы.

«Только бы не промахнуться, – думал Клим, останавливаясь на разветвлении узкого бетонного тоннеля, – иначе окажешься не у бомбоубежища, а в соседнем доме. Но мне кажется, я пока двигаюсь в правильном направлении».

Тоннель иногда сужался до такой степени, что Бондареву приходилось сгибаться в три погибели, пробираясь под трубами и десятками висящих на потолке и на стенах проводов, самых разнообразных кабелей.

«Сколько же их здесь! Сам черт не разберет. Если бы пришлось нужный кабель перерезать, так его и не нашел бы сразу. Уйму времени на поиски истратил бы».

Иногда от прикосновения руки крепежка выпадала из бетона, и провода отрывались, провисая чуть ли не до пола. Дышать в этом лабиринте было очень тяжело. Начинало ломить виски, а руки и ноги становились вялыми и непослушными.

Бондарев услышал шорох и повизгивание. На мгновение он включил мобильник: буквально на расстоянии двух метров от него на трубе сидели две крысы, свесив безволосые хвосты. Клим даже показалось, что мерзкие твари скалятся и готовы броситься на него, на человека, посмевшего вторгнуться на их территорию.

– Фу, отсюда! – посветив прямо в морды крысам, брезгливо, но беззлобно, абсолютно не опасаясь их, бросил мужчина.

Крысы словно почувствовали, что человек сильнее их, очень ловко развернулись на трубе и стремглав бросились бежать.

– Вот так-то лучше будет. Я вас в свою компанию, между прочим, не приглашал.

Дальше по всему его пути в теплотрассе было тихо. Однако, свернув, Бондарев замер. Впереди – из темноты доносился шум. Клим вздохнул с облегчением.

– Кажется, добрался.

* * *

Братья Рахметовы разложили на бетонном полу гаечные ключи, пассатижи, отвертки – все, что нашлось в студии. Старший, Магомед, выкрутил из двигателя шуп, вытащил его и тут же выругался. Масло на конце металлической линейки висело густым комком, оно даже не сразу стерлось ветошью.

– Сколько лет его не меняли? Если мы с таким загустевшим маслом движок запустим, он через пять минут заклинит.

– Может, попробовать сверху свежее масло залить?

– И не думай. Если запорем дизель-генератор, Умар нас убьет.

Младший брат, Таус, лежа под картером двигателя, пытался открутить пробку, чтобы слить загустевшее за время бездействия масло. Пробка, казалось, приросла к поддону. Он упирался ногами в стойки и с надувшимися на лице жилами рвал ключ на себя.

– Рычаг надо. Трубу найди.

– Пусти, – Магомед стал на одно колено, взялся за ключ.

Он не тянул, не налегал на него, просто несколько раз резко дернул. Раздался противный скрип, и винтовая пробка сдвинулась с мертвой точки.

– Учись, пока я жив, – засмеялся Магомед.

Младший брат торопливо открутил пробку почти до самого конца, перехватил ее пальцами, отодвинулся в сторону и только после этого рискнул сделать последний оборот. Масло не потекло, под картером медленно надувался блестящий шар, а затем густое, как перестоявший мед, масло стало словно бы выдавливаться из двигателя. Оно росло горкой на бетонном полу. Магомед уже слил из бака немного солянки и мелкими порциями подливал ее в двигатель, а младший брат прокручивал лопасти вентилятора. Разбавленное дизтопливом старое масло потекло веселее.

– Скоро у вас? – поинтересовался Умар, заглянув в подстанцию.

– Пока получается. Делаем, что можем, – отвечал Таус.

– Оживет?

– Это обязательно, – пообещал старший брат.

Умар подмигнул ему и вышел в коридор. Ему казалось, что он уже несколько дней находится здесь, на студии. Хотя еще час назад он ехал по вечерним улицам Москвы. Но теперь большой город ушел из памяти. Его звуки не достигали подземелья. С тем же успехом Умар мог представить себе, что над ним не столица России, а Грозный или горный перевал. Но отсюда, если все удастся, он мог появиться во многих тысячах московских квартир. Посмотреть в глаза миллиону людей. Именно посмотреть, а не заглянуть.

«Они сами заглянут в мои глаза. Станут ловить каждое мое слово. Будут с ужасом думать о том, чего я не сказал. Я один, но в одно мгновение я превращусь в тысячи. И это станет моей победой».

Умар прошелся мимо стеклянных дверей кабинетов. Наконец-то на студии воцарился порядок: никто не рыдал, не пытался что-то выяснить. В небольшом кабинете за тремя столами сидели шесть женщин. За четвертым расположился террорист в маске. Автомат лежал у него на коленях, он даже палец со спускового крючка снял. Заметив Умара, тут же сел ровнее. Главарь посмотрел на молоденькую девушку, сидевшую перед компьютером, она нервно кусала губу и пыталась стереть носовым платком размазанную от слез тушь.

– Эх, Тася, Тася... – пробормотал Умар, – думаешь, мне хочется воевать?

Он дошел до поста охраны. Камера наружного наблюдения продолжала работать, вот только свет перед входом исчез. На мониторе по-прежнему виднелось пустое крыльцо, чуть освещенное фонарем, людские следы давно припорошил снег. А дальше – сплошная чернота. Чеченец прикрыл глаза.

– Он заглядывал к нам, – со страхом в голосе произнесла ассистентка режиссера Катя, все еще продолжая коситься на стеклянную дверь.

– Кто, Умар? – Тася терла глаз краем носового платка, заглядывая вместо зеркальца в погашенный монитор компьютера.

– Он, – и тут ассистентка схватила Тасю за руку.

Террорист, охранявший женщин, чуть повернул голову, но потом вновь стал изучать стол перед собой. Показывать, что он опасается безоружных женщин, было ниже его достоинства.

– Ты чего?

– Нет, это ты чего, – зашептала ассистентка, – ты его по имени назвала: и сейчас, и тогда, в коридоре.

– Никого я не называла...

– Откуда ты знаешь, как его зовут? И он тебя по имени назвал.

– Тише, – Тася испуганно огляделась, – нас могут услышать.

– Чего ты боишься? – Катя перешла на такой тихий шепот, что ей казалось, она и сама не слышит, что говорит.

Тася огляделась, никто на них внимания не обращал. – Да, я его знала раньше, – призналась девушка.

– Ты что? Так это ты его сюда привела?

– Я не знаю... я ничего не знаю! – На глазах Таси вновь появились слезы.

– Теперь уже неважно. Я же понимаю, что ты не хотела плохого. – Женское любопытство брало верх над страхом.

– Он со мной в сквере познакомился. Месяц назад. Я поздно после эфира к метро возвращалась. Сперва испугалась. А он обходительный такой, проводить предложил. Завтра вновь меня ждал, потом в кафе пригласил. Выпили немного... – Тася замолчала.

– И что?

– Он ко мне даже толком не приставал, – призналась девушка, – хотя мы у него дома вдвоем были, – все о работе расспрашивал. А я, дура, рассказывала.

– Зачем?

– Говорил, что тоже хочет у себя в городе кабельное телевидение открыть. Я ему и про охранников рассказала, – произнесла Тася и тут же зажала себе ладонями рот, всхлипнула.

– Не переживай. Ты же не знала, зачем ему это.

– От этого не легче. Как ты думаешь, они сумеют в эфир выйти?

– Тебе-то что от этого будет?

– Не знаю. Нельзя этого допустить. Это наша студия.

Катя грустно улыбнулась:

– Ты же сама говорила раньше, что атмосфера у нас плохая, что ты Балуева ненавидишь.

– Говорила, – вздохнула девушка, – я только теперь поняла, что мне тут нравится. Да и Балуев нормальный мужик. Никогда себе ничего такого лишнего не позволял, а мог бы. Надо что-то придумать. Может, аппаратную сломать?

– Как?

– Не знаю.

– Тебя из кабинета не выпустят. Есть мужики, пусть они и думают. Оператор, видеоинженер, без них выпуск не состоится.

Тася подперла голову руками:

– Можно того, кто нас охраняет, я завлеку, а когда он растает, ты автомат схватишь...

– Я автоматом пользоваться не умею. Я его боюсь. Не придумывай ты ничего, – Катя уже сама была не рада, что вызвала девушку на откровенный разговор.

«Чего доброго, еще учудит что-нибудь, – подумала она, – пусть все идет как идет. Я человек мирный. Моя профессия – новости, а не война».

И тут послышалось тарахтение двигателя. Вибрация дошла даже до кабинета – зазвенели стаканы на подносе. А потом вспыхнул яркий свет. Все в кабинете зажмурились.

– Получилось, – радостно произнес террорист и приподнял автомат.

Казалось, что прямо сейчас он отсалюует автоматной очередью в дорогой звукопоглощающий потолок, разнесет вдребезги лампочки освещения.

Из двери автономной подстанции валили клубы сизого дыма, испарялись, горели остатки смазки на двигателе. Магомед внимательно следил за стрелками немногочисленных приборов.

– Порядок, – сказал он и повернул рычаг, отключая генератор.

Свет снова из яркого стал тусклым, двигатель, лишившись нагрузки, ускорил обороты.

Младший брат поцокал языком:

– Я, честно говоря, не думал, что получится.

– Молодой ты еще. Дорастешь до моих лет, поймешь, что нет ничего невозможного, – Магомед осекся, поняв, что сказал не то, что следует, вряд ли им удастся выйти отсюда живыми, – пусть на холостых оборотах поработает. Побудь тут, а я к Умару схожу, чтобы не беспокоился. Поддерживай постоянные обороты.

Таус с готовностью стал у генератора, одну руку положил на сектор газа, указательный палец другой прижал к стеклу тахометра, чтобы не потерять указанное старшим братом число.

Умара Магомед нашел у поста охраны, тот все еще смотрел на монитор.

– Почему свет снова погас? – поинтересовался главарь.

– Пусть двигатель поработает на холостом ходу. К эфиру включим и напряжение.

Умар довольно кивнул, но тут же его что-то насторожило. По экрану, там, где снег терялся в темноте, двигалась какая-то тень.

– Гуляет кто-то по скверу, – предположил Магомед.

– Ты так думаешь? – спросил Умар и сам себе ответил: – Если бы снаружи узнали, что студия захвачена, то первым бы делом позвонили владельцу. А звонки под нашим контролем.

– Правильно. Мы все предусмотрели. Волнуешься?

– Конечно.

– Ты осторожный.

Тень на экране наконец попала в зону света – под фонарем оказалась женщина с собачкой на длинном поводке. Собачка подбежала к стойке фонаря, задрала ногу и справила нужду. Хозяйка тем временем смотрела куда-то в сторону.

– Она на автобус наш смотрит, – недовольно пробормотал Умар, – рискуем.

– Я сейчас его на стоянку отгоню, – предложил Магомед.

Умар осмотрел его с головы до ног.

– В камуфляже и с автоматом? Ты еще маску надень. Женщина меньше подозрений вызывает. Смени Бихлис в кабинете. Только не нервируй Балужева, он нам еще может пригодиться переговоры вести. Скажи, чтобы она парик прихватила.

Глава 5

Милицейский «УАЗ» неторопливо катился между старых пятиэтажек. Лейтенант патрульно-постовой службы Иван Краснов сидел за рулем и недовольно посматривал на расположившегося рядом с ним старшину Петра Каданникова. Старшине было уже под пятьдесят – сытый, довольный своей незатейливой жизнью. Ушанка пригревшимся котом лежала у него на коленях. Воспоминанием о ней краснела ровная, как под линейку проведенная, полоса на лбу. Старшина, умудренный опытом, наученный годами службы, никогда не спешил, он неторопливо листал странички блокнота, старого, потрепанного, то и дело поглядывал в лобовое стекло.

– Ты бы, Петр, фару-искатель в окошко выставил, номера домов подсветил, – не выдержал неторопливости напарника лейтенант.

Вот уже пять минут, как плутали они на машине внутри квартала, отыскивая нужный дом.

– Я и так их вижу, не слепой, – меланхолично ответил старшина, – сорок пять, корпус один – есть, сорок пять, корпус три – тоже. А второго корпуса нигде и нет. – Он выбил из пачки дешевую плоскую сигарету.

Хорошо прогретый салон «УАЗа» наполнил едкий удушливый дым. Краснов кашлянул, давая понять напарнику, что тот мог бы курить сигареты и попримечнее.

– Второй круг нарезаем, и все без толку, – сказал он, – ты же сказал, что знаешь, где это.

– Для хорошего коня десять верст не круг, – хмыкнул старшина, захлопывая блокнот, – где сорок пятый дом – знаю. А вот второй корпус...

«УАЗ» еле полз по узкому проезду, сплошь заставленному легковыми машинами. Автомобили чуть угадывались под засыпавшим их снегом.

– Металлолом, – пробурчал старшина, глядя на занесенный снегом «Москвич». – А раньше больших денег стоил. У меня свояк, дурак, в самом начале девяностых квартиру в Подмосковье продал, чтобы «Москвич» купить. И таксовать пошел. Думал разбогатеть.

– Круто поднялся?

– Ни квартиры теперь, ни машины. Бомжует, у гастронома его встретил, на бутылку просил. Даже не узнал меня, – без всякого сочувствия к бедняге сообщил старшина.

– Ты ему дал?

– Зачем? Пусть спасибо скажет, что в морду не получил. Каждый на жизнь сам зарабатывать должен. Мне никто подарков не дарит. Даже Дед Мороз на Новый год халявную рюмку не нальет, – старшина приподнял голову и ткнул пальцем в лобовое стекло, – вон он. Видишь?

За детской площадкой в ложбине стояла пятиэтажка, сложенная из силикатного кирпича. Окна сияли огнями, кое-где за занавесками переливались огнями елки.

– Она самая – корпус два. Теперь вспомнил. Один раз сюда уже выезжали. В девяносто девятом, в феврале. Отец свою дочь-школьницу с парнем застукал и на балкон его голого выставил. Соседи наряд вызвали.

– И что? – спросил лейтенант, сворачивая к дому.

– Двумя бутылками водки папаша откупился, чтобы протокол на него не составляли.

– Вон и они, – лицо лейтенанта, стало серьезным.

У среднего подъезда стояла «Газель» с будкой. Мужик в кепке, взвалив на плечи тяжелый мешок, шел от нее к двери. Старшина старательно надел ушанку, насупил брови и вылез из остановившейся машины. Мужик с мешком на плечах повернул голову и остановился.

– Сиди в машине, – негромко бросил старшина лейтенанту и двинулся к мужику.

Шел он неторопливо, всем своим видом воплощая власть. Мешок пригибал мужика к земле ниже и ниже.

– Что носим? – старшина положил руку на кобуру.

– Мешки, коробки. Машину разгружаем.

– Поставить. Сейчас посмотрим. Где водитель? Чей груз? – сыпал вопросами старшина. Мужик свалил мешок на скамейку, вытер рукавом вспотевший лоб. На мешковине чернела надпись, сделанная под трафарет: «сахар». Из подвала вышел молодой мужчина в тренировочных брюках, расстегнутой куртке и в сапогах.

– В чем дело? – спросил он у милиционера.

– Это я узнать хочу. Вы хозяин? – старшина кивнул на «Газель».

– Ну, я. Живу я здесь, в пятнадцатой квартире. И подвал мой, – несколько агрессивно заговорил мужчина. – Продукты домой привез.

Старшина заглянул в кузов машины. Там еще оставалось несколько мешков, стояли картонные упаковки с сигаретами, конфетами, жевательной резинкой...

– И груз ваш?

Мужчине показалось, что старшина ему подмигнул.

– Послушай, командир, – сбавил обороты мужчина, – документы у меня на товар есть, – Новый год скоро. Торговля бойко идет. У меня склад в гараже, все туда не влезло, вот и привез в подвал. Не украл же я.

– Сигнал был, – насупил брови старшина, – что подозрительные люди странные мешки в подвал жилого дома носят.

– Соседка позвонила. Она же у меня сумасшедшая, – мужчина задрал голову. На втором этаже за темным стеклом кухни читался силуэт. – Вон она! Милицию вызвала, теперь в окно любуется. Будто у вас настоящих дел нет. Пока вы по таким вызовам ездите, где-то, может, квартиру обокрали или человека убили.

– И правильно сделала, что вызвала. Пройдемте в подвал. Откуда мне знать, может, вы гексоген мешками туда носите?

– Да что я, на кавказца похож? – Мужчина провел ладонью по светлым волосам и обиженно моргнул, на секунду прикрыв серые глаза.

– Не только кавказцы в этом были замечены.

Старшина шел сзади, повернувшись боком, чтобы не испачкать бушлат о побеленные стены подвала.

– Так, – глубокомысленно произнес он, разглядывая подземное богатство: картонки с сигаретами, упаковки с пивом, мешки, – подвалы в жилых домах не для этого предназначены. Они – для личного пользования. Санки, лыжи, коляску детскую, варенья и консервы ставить можно.

Хозяин стоял и пока еще колебался, понимал, что старшина настроен на взятку, но не мог понять, сколько и в каком виде его устроит, выжидал подсказки.

– Написать на коробке можно все, что угодно. Если на заборе три буквы написаны, это еще не значит, что за ним это самое и лежит, – проговорил милиционер, – я в ваше положение войти могу, не в хрущевской же полуторке товар хранить. Но проверить должен. Откройте коробку.

– Какую? – с готовностью вызвался мужчина.

Взгляд старшины скользил по картонкам.

– Говорю наугад – «Парламент».

Мужчина с готовностью стащил картонку, вскрыл ее, один за другим вытаскивал блоки сигарет.

– Хватит, – сказал старшина, когда на полу уже лежали шесть блоков.

Хозяин товара вздохнул.

– А теперь сделаем так, – старшина взялся двумя руками за шапку, – положишь это в мешок и занесешь в мою машину, поставишь на заднее сиденье. Завтра ни хрена этого в под-

вале быть уже не должно. Если твоя соседка еще раз позвонит, то уж извини. Снова приеду. Сам с ней договаривайся. Я к ней сейчас поднимусь. На сегодня она успокоится.

– Понял.

– Ни хрена ты не понял, – махнул рукой старшина, – главное, человеком оставаться. Если бы вовремя старушке подарок принес, она бы и звонить нам не стала.

– На всех подарков не хватает.

– Тоже верно.

Старшина с каменным лицом покинул подвал, с крыльца махнул рукой лейтенанту, мол, сейчас вернусь, и исчез в подъезде. Не было его минут пять, когда вернулся, первым делом глянул на заднее сиденье. Там стоял обещанный мешок с сигаретами.

– Порядок, лейтенант.

– Еще один вызов поступил, – с досадой произнес Иван Краснов.

– На то и праздники. Чем ближе к Новому году, тем дури в головах у народа больше.

Что еще?

– Будто бы телестудию «Око» в Коломенском террористы захватили.

Старшина не выказал ни удивления, ни испуга.

– Конечно же, никаких террористов там нет, ложный вызов. Иначе бы туда уже войска стягивали, но надо было настоять, чтобы ОМОН туда послали. А ты согласился ехать? Не умеешь ты себя поставить. Молодой.

Лейтенант почувствовал себя неуютно. Он и впрямь не умел себя, как выражался старшина, «поставить». Даже сейчас, он – старший по званию, сидел за рулем.

– Скорее всего, ложный вызов. Просили проверить, посмотреть...

– Если бы просили, ты бы не поехал. В милиции просят только документы показать... – Старшина посмотрел на лейтенанта и недовольно пробурчал: – Поехали, чего стоять. Сегодня еще по району мотаться и мотаться.

«УАЗ» сдал задним ходом, из старого двора и выехать толком нельзя было. Лейтенант на широкой улице перестроился поближе к осевой, включил «мигалку» и, улучив момент, развернулся, выехав чуть ли не под самый нос городскому автобусу.

– Молодец, – похвалил старшина, – правила, они для всех правила. Нам не зря «мигалку» на крышу поставили. Хочешь ездить повсюду, иди служить в милицию или избирайся в Государственную думу председателем комиссии.

«УАЗ», миновав стоянку, въехал в сквер. Автомобиль почти не «замечал» снега, засыпавшего аллею. Два ведущих моста, не шутка. Женщине с собачкой на поводке пришлось забраться по колено в сугроб, чтобы пропустить блюстителей порядка. Собачонка громко лаяла, и если бы не хозяйка, давно бы бросилась под колеса.

– Маленькая, а злая, – проговорил старшина, – наверное, как и хозяйка. Не люблю баб, которые собак держат.

– Почему?

– Если она собаку обхаживает, значит, мужу своему или детям меньше внимания уделяет.

– Не мы первые здесь едем, – лейтенант заметил стоявший неподалеку от входа в студию микроавтобус.

– А на воротах, между прочим, знак висит. Здесь только спецтранспорту ездить разрешено, – злорадно потер руки об ушанку старшина.

Даже если от возможного нарушения ему ничего не могло обломиться, он, как истинный профессионал, всегда радовался, выявив его. Так писатель радуется, обнаружив в библиотеке собственную книгу, так эмигранта воодушевляет услышанная на улице чужого города родная речь.

От студии к микроавтобусу уже спешила длинноволосая блондинка в светлом пальто. Она шла не по дорожке, а прямо по глубокому снегу, проваливаясь в него. В левой руке она

сжимала сумочку, в пальцах правой поблескивала связка ключей. Она нервно посмотрела на приближавшийся милицейский «УАЗ» и замерла, подойдя к радиатору автобуса.

– Вот так и попалась, – сказал себе под нос старшина, – не захотела от стоянки к студии идти, ноги в снегу морозить. Что делать с ней?

– Проверим вызов. А с ней пусть дорожная служба разбирается.

– Видная баба, породистая, – отозвался старшина, – но для меня она – дочь по возрасту. А для тебя в самый раз. Иди, я в машине подожду. Журналистка небось, познакомишься. Не оплошай, – и старшина панибратски хлопнул лейтенанта по плечу.

Бихлис стояла, прижавшись к микроавтобусу спиной, она даже не ощущала холода, страх был сильнее его. Она покосилась на вход в студию, там, за бетонным выступом стоял Умар с автоматом в руках, он пока еще не видел ни «УАЗа», ни выбирающегося из машины лейтенанта, но по взгляду женщины уже догадался – произошло нечто, не входившее в их планы. Два выхода было у него: выйти из укрытия или уйти назад в студию, закрыв за собой бронированную дверь. Умар выбрал третий вариант – остался ждать.

Лейтенант, прихватив с собой для солидности кожаную папку, почти вплотную подошел к Бихлис и лениво козырнул. Обычно он, как и большинство его коллег, представлялся неразборчиво. Если потом что-то пойдет не так, пусть сами вспоминают, кто с ними говорил. На этот же раз он отчетливо назвался. И в этот момент страх отпустил Бихлис, она поняла, что милиция появилась здесь случайно. Она улыбнулась и оторвала спину от микроавтобуса.

– Здесь машины ставить запрещено, – игриво сообщил лейтенант.

– Конечно, я знаю об этом, – тихо, чтобы не так сильно звучал акцент, заговорила женщина.

– А если знаете, то почему нарушаете?

– Камеру со съемок привезли. Знаете, как тяжело таскать ее на себе через весь сквер? Подвезли к входу, выгрузились. Вы извините! Я машину сейчас же на стоянку отгоню, как положено.

– Вы водитель? – искренне удивился лейтенант.

– Что вы. У меня другая специальность. Я вышла, потому что свободна...

– Где-то я вас уже видел, – хитро прищурился лейтенант, – наверное, в телевизоре?

– Может быть.

– А какую передачу вы ведете?

– У меня и права есть. Я их покажу, – Бихлис расстегнула сумочку, – или машину сперва отогнать?

– Наверное, передача интересная, никак не могу вспомнить. Подскажите.

– Я редко снимаюсь. Я занимаюсь другим.

– Чем именно? – не отставал лейтенант.

– Сегодня мне пришлось группу на микроавтобусе привезти. Водитель заболел.

– А нам сказали, что на машине террористы приехали.

Бихлис натужно улыбнулась.

– Вы разыгрываете? – она бросила быстрый взгляд на старшину, выбравшегося из «УАЗа», чтобы размять ноги и подышать свежим воздухом.

– Надеюсь, что это розыгрыш. Но вызов есть вызов. Надо проверить.

– Ерунда какая-то. – Голос Бихлис дрожал от волнения. – Ну какие террористы могут быть в студии! Я только что оттуда. Все в порядке. Зачем было ехать?

– Машина подождет, она здесь никому не мешает. Давайте посмотрим.

Лейтенант галантно отвел руку с папкой, показывая, чтобы Бихлис шла первой.

– Снег глубокий, лучше уж за вами идти.

– Зачем?

– Вы что? Бойтесь? Пойдем след в след. Так я ноги не промочу.

Краснов улыбнулся – широко и наивно.

– Жили бы в другое время, я бы перед вами шубу расстелил.

– Считайте, что расстелили.

Лейтенант сделал с десяток шагов и замер. На крыльце за бетонным выступом стоял человек в камуфляже с автоматом, нацеленным на него. Краснов был настолько не подготовлен к этому, что хотел крикнуть женщине, идущей за ним, чтобы она убегала. Он даже обернулся и раскрыл рот. Последнее, что он увидел, это короткую вспышку. Бихлис уже выхватила из сумки пистолет с глушителем и нажала на спуск. Лейтенант как был с открытым ртом, так и упал в снег. Папка с документами отлетела и криво воткнулась в рыхлый сугроб. Звук выстрела был несильным, даже снег с деревьев не посыпался.

Старшина замешкался, он только коснулся кобуры, с трудом заведя руку назад. Теплый бушлат и меховая поддевка сковывали движения. Бихлис выстрелила еще раз. Старшина ощутил, как пуля вошла в плечо, он уже не стал пытаться расстегнуть кобуру, вторая пуля попала бы в него точнее. Милиционер бросился за руль машины.

Зазвенело и разлетелось боковое зеркальце. Правая рука уже почти ничего не чувствовала. Наугад воткнув заднюю передачу, старшина отпустил сцепление и вдавил газ. Снег полетел из-под колес, на несколько секунд окутав машину белесым облаком. «УАЗ», вихляя, набирая скорость, катил задом с горки к воротам сквера.

Умар выскочил из-за укрытия и, опустившись на одно колено, целился в удаляющуюся машину. Бихлис задержала дыхание, словила в прицел нашивку на груди старшины и плавно нажала курок. Лобовое стекло треснуло, покрывшись паутиной трещин. Умар зло выругался, он потерял врага из виду. Машина неслась к выходу.

Старшина уже упал головой на руль, но, даже теряя сознание, он продолжал давить на газ. Лишь бы вырваться на улицу, лишь бы поскорее покинуть проклятый сквер!

– Ушел! Ушел! – кричал Умар и тряс мгновенно одеревеневшую Бихлис. – Какого черта ты стреляла? Я бы его одним выстрелом снял.

– Я стреляла... – то ли просто сказала, то ли спросила женщина и посмотрела сперва на мертвого лейтенанта, потом – на еще дымившийся в ее руке пистолет.

– Какого черта...

В этот момент «УАЗ», зацепив передним крылом кирпичную стойку ворот, соединенную с соседней транспарантом «С Новым годом и Рождеством», вылетел на стоянку, снес задом хлипкое ограждение. Под визг и крики прохожих «спрыгнул» с бордюра. И его завертело на укатанном до зеркального блеска снеге проезжей части. Внушительный черный джип, буквально вибрировавший от громкой музыки, вильнул в сторону, пытаясь уклониться от столкновения с милицейской машиной, ударился колесом в бордюр, его развернуло поперек дороги. Тут же милицейский «УАЗ» припечатало к нему тяжелой грузовой фурой, водитель которой даже не успел нажать на педаль тормоза.

Посыпалось выбитое стекло, еще несколько машин, уже успевших сбавить скорость, врезались в замерший грузовик. Заскользил, покатился по улице сорванный с крыши «УАЗа» синий колпак «мигалки».

Возбужденно говорили люди, урчали моторы остановившихся машин, но все эти звуки перекрывал рев музыки, летевший из салона искореженного джипа. Затем музыка несколько раз прервалась короткими щелчками и смолкла. Показалось, что наступила тишина, хоть шум города не прерывался ни на секунду. И в этой обманной тишине раздался визгливый женский голос.

– Там стреляли, там человека убили! – надрывалась выбежавшая из сквера женщина.

Ее собачка, не поспевавшая за хозяйкой, когда та мчалась по аллейке, теперь пыталась отряхнуться от намертво налипшего на нее снега.

Умар вернулся с полдороги, он так и не добежал до ворот, когда загремели столкнувшиеся машины. Возбужденные крики неслись со стороны улицы. В стоявшем неподалеку доме уже хлопнуло несколько балконных дверей, любопытные льнули к окнам. Бихлис стояла, опираясь на открытую дверцу микроавтобуса.

– Что ты натворила? – главарь сплюнул в сугроб.

– А что, что я могла сделать? – женщина побледнела, губы ее стали почти фиолетовыми, и только пятна помады краснели на них.

– Ты права. Теперь уже ничего не изменишь. Мы засветились раньше времени. – Умар присел возле лейтенанта и бесстрастно проверил двумя пальцами сонную артерию: – Мертв, – только после этого он отвел автомат от его головы.

Рамзан выбежал на крыльцо и нервно водил стволом автомата по сторонам.

– Что тут было?

– Одним ментом меньше стало. – Затем после секундного раздумья Умар добавил: – Двумя. Бихлис молодец, не растерялась. Можешь считать, уже не зря на свете пожила.

– Но кто-то же ментов вызвал? – сузил глаза Рамзан.

– И это правда. Но теперь в любом случае нам приходится ждать гостей. Они скоро приедут.

Бихлис ступала с трудом, ее била дрожь. Первое совершенное ею сегодня убийство почти не тронуло ее, она была готова к нему. Не один день убеждала себя, что справится. Да и выглядел убитый ею парень так, как должен выглядеть настоящий враг – высокий, сильный. Лейтенант же, пытавшийся заигрывать с ней, всего из-за нескольких почти бессмысленных фраз успел превратиться из врага в живого человека, со своими глупыми желаниями, наивными мечтами.

Умар поддержал женщину под локоть. Он последним зашел в студию. Вдвоем с Рамзаном они закрыли дверь, до упора завернули маховики, а затем так же старательно закрыли и вторую стальную дверь, отделявшую переходной шлюз от самого бомбоубежища.

Глава 6

Здание на Лубянке этим зимним предновогодним вечером выглядело торжественно. Белый снег и подсветка преобразили его. В окнах, несмотря на позднее время, кое-где горел свет. В кабинете заместителя начальника Управления по борьбе с терроризмом генерал-майора Вадима Петровича Елфимова горел свет и было накурено. Вентиляция не успевала выкачивать табачный дым.

Хозяин кабинета без пиджака, в синей рубашке, с полуразвязанным галстуком, держа в пальцах дымящуюся сигарету, нервно ходил от стены к стене. Его гость, он же и подчиненный – командир диверсионной группы «Омега» полковник Голубев Дмитрий Кимович, сидел на диване у маленького журнального столика.

Генерал Елфимов выглядел молодцевато. Занятия спортом на протяжении многих лет свое дело сделали, заметного живота, атрибута, с которым непременно представляют генералов, у него не было видно. Во всяком случае, когда на нем был надет пиджак.

– Как все было хорошо! – откинув со лба волосы, сказал Голубев, глядя на Елфимова. – Неужели ты забыл, каким мы уважением пользовались? Ведь мои парни... я же с ними огонь и воду прошел, они мне как дети родные.

– Полковник, кончай. Сам понимаешь, не я решаю, – генерал остановился, – политическая ситуация меняется. То, что вчера было хорошо для нас с тобой, сегодня плохо для страны. Кому мы с тобой рассказывать станем, что группа предназначалась для проведения террористических актов на территории враждебных государств? А какие они теперь враждебные? Это у Советского Союза врагов было немерено – все сопредельные и дальние страны, вот и готовили твоих людей плотины да атомные станции взрывать. Ты же сам понимаешь, Дмитрий, – Вадим Петрович качнулся, – мне поставят задачу и, сколько им ни объясняй, прикажут выполнить. Все ваши тайники, закладки оружия, спецснаряжение, взрывчатку не только на территории бывшего СССР, но и по всему миру я должен буду ликвидировать. Потому что, как ты понимаешь, ими могут воспользоваться другие, а по оружию догадаться несложно, кому оно принадлежит. И представляешь, какой тогда скандал разразится, если где-нибудь в Польше или в Болгарии, в Египте или Вьетнаме нашим оружием воспользуются?

– Да не найдет его никто! На совесть же делали.

– Это ты так думаешь!

– Но ведь мои ребята – супердиверсанты, их пятнадцать лет день и ночь готовили, тренировали, натаскивали, а ты предлагаешь...

– Да не я, пойми! Я за тебя двумя руками, Дмитрий Кимович, дорогой!

– Куда им податься? Вышибалами в бары, массажистами в сауны? Загубить таких людей! В совершенстве по несколько языков знают, на любых машинах и самолетах летать способны, из любого оружия стреляют, уж не говоря обо всех способах убийства. Они, в отличие от тебя и меня, смерти не боятся, а теперь им даже денег на зарплату не хватает. Стыдно! – в сердцах проронил полковник и резко вскочил с дивана.

Он был примерно такого же роста, как и генерал, но по нему было видно, что, схватись они врукопашную, Голубев без труда генерала одолеет.

Генерал подошел к стенному шкафу, открыл его, вытащил бутылку армянского коньяка, ловко свернул пробку. Поставил бутылку на столик, а рядом две хрустальные граненые рюмки. И произнес тоном, не терпящим возражений, как бы подытоживая, отсекая весь предыдущий разговор:

– Твои парни, полковник, – профессиональные террористы, хоть и привыкли мы называть их диверсантами. Я же видел их и знаю – нонсенс держать их в отделе антитеррора. К тому же

им всем уже по сороковнику, а смену им готовить нет смысла. Выходит в тираж твоя группа «Омега».

Желваки заходили на щеках Голубева. Он сжимал в сильных пальцах рюмку так, что косточки суставов побелели, и Вадим Петрович даже испугался, что рюмка сейчас хрустнет, коньяк прольется, а на стол из порезанной ладони потечет кровь. Полковник словно раздумывал, пить или не пить. Но затем резко одним глотком осушил содержимое рюмки и вздохнул, как вздыхает человек, потерявший все.

– Дмитрий Кимович, ставим на этом точку, – спокойно сказал генерал, повторно разливая коньяк в рюмки. – Приказа о расформировании «Омеги» еще нет, но он готовится.

Внезапно на приставном столике хозяина кабинета надрывно затарахтел телефон.

– Если бы обычный звонил, я бы не поднимал.

Генерал снял трубку, отчетливо произнес:

– Лебедев, ну, что у вас опять? – брови генерала сдвинулись, рука, в которой была рюмка, на мгновение зависла над столом. Затем пальцы разжались, рюмка осталась стоять, а генерал расстегнул еще одну пуговицу на рубашке. Его лицо побледнело.

– Двух милиционеров убили? Их требования?

– ...

– Что, сами на связь не выходят?

– Почему?

– ...

– Ты прав. Думаю, они попытаются выйти в эфир. Поэтому для начала следует перекрыть им связь с миром – это первая задача. А потом как обычно – «мочить в сортире».

– ...

– Да, да. Не допустить, чтобы они в эфир вышли, это главная задача. Все остальное уже танцы.

– ...

– Кто владеет подробной информацией?

– ...

– Да, быстро... Пусть со мной свяжется.

Из трубки зазвучала музыка, свидетельствующая о том, что абонент ожидает подключения.

Полковник Голубев, сощурившись, изучающе смотрел на своего шефа. Взгляд его выражал многое.

– Вадим Петрович, где?

– В Коломенском. Студию кабельного телевидения то ли сумасшедшие, то ли настоящие террористы захватили. Сейчас информация уточняется, вот, жду.

– Количество известно?

– Пока нет.

– Студия в каком здании?

Генерал щелкнул пальцами:

– В том-то и беда, полковник, что студия в бомбоубежище расположена.

– Рубите кабели, они без света и связи останутся.

– Подожди, полковник.

С кем разговаривает генерал Елфимов, полковник понял не сразу. Выражение лица генерала менялось ежесекундно, он вел себя довольно суетливо: то ежился, то принимался левой рукой застегивать пуговицу на рубашке и пытаться подтянуть узел галстука, затем опять пуговицу расстегивал.

– Да-да. Почему их нельзя вырубить?

– ...

– Сколько фирм подключало кабели?

– ...

– Найдите техническую документацию!

– ...

– Почему?

– ...

– Я прекрасно знаю, какой сегодня день, и часы передо мной.

– ...

– Да. Нет на местах людей? Но ответственные должны же быть. Пошлите машины, отыщите проектировщиков. – Елфимов и сам уже не верил в то, что возможно за несколько часов в нерабочее время разыскать людей, знающих схемы подключения бомбоубежища-студии к внешнему миру.

– ...

– На протяжении десяти лет велось поэтапное подключение кабелей? Разными фирмами? Половина из которых уже не существует? О-о! – почти проревел генерал. Генерал Елфимов рассуждал вслух. – Специалистов можно найти. Пovyдергиваем, в конце концов, дадим задание оперативникам, они всю Москву перевернут.

– ...

– Значит, не сумеем предотвратить выхода в эфир. Да я понимаю. Народ у нас такой, что всему поверит. Скажи, что под Кремлем ядерный фугас, и в это поверит. Скажи, что все водозаборы отравлены, пить перестанут, и в метро никто не войдет. Но что делать, люди запуганы.

– ...

– Самые боеспособные подразделения нашего спецназа на полигоне? Кто отослал спецназ перед праздниками за город?

– ...

– Да я понимаю, что президент погоня со всех посрывает, а вместе с погонями и головы полетят. Все я понимаю. Ему, конечно, хорошо, он сказал «мочить в сортире». Так до этого сортира еще добраться надо.

– Да, я понял, Иван Ильич, – генерал тяжело опустил трубку на аппарат. – Ну, слышал, полковник?

– Зачем людей с полигона срывать? Мои-то парни все в сборе, только команды ждут. Это же шанс сохранить «Омегу», Вадим Петрович.

Елфимов весь сжался.

– Погоди, погоди, полковник, дай мне все хорошенько взвесить.

– Что тут думать, тут действовать надо!

– Погоди, не торопи.

– Времени нет.

– Мне еще вводную надо дать, – генерал посмотрел на циферблат курантов, на быстро качающийся золоченый маятник. Время текло, летело, с каждым мгновением время выхода в эфир приближалось. И ничего сделать с этим он не мог.

Генерал Елфимов поднял трубку телефона.

– Лебедев, ты меня слышишь? Быстро готовь приказ о направлении на освобождение телестудии группы «Омега». Все, другого выхода у нас нет, – он положил трубку и посмотрел на Голубева. Сейчас Вадим Петрович разговаривал с Дмитрием Кимовичем как с подчиненным. Посмотрел, ухмыльнулся: – Через полчаса должны быть готовы и твои люди, и план действий. Действуйте, полковник. Это приказ.

* * *

– Ты ментов вызвал? – чуть не сорвав дверь с петель, влетел в кабинет Балужева Умар. Чеченец, охранявший владельца студии, от неожиданности даже вскочил с кресла, крепче сжал автомат.

– Я... я... – заикался Балужев, глядя на оружие в руке главаря, – я не мог. Я все время на виду у вас. Да и зачем мне?

– Телефон только у тебя.

– Да. То есть... наверное... нет.

– Он только в твоём кабинете остался, – Умар присел на край стола и взял Балужева за подбородок, заставил смотреть себе в глаза, – верю. Не ты вызывал, – наконец произнес он и резко убрал руку.

Когда зазвонил телефон, Умар просто снял и тут же положил трубку. Когда так повторилось трижды, он не выдержал и крикнул в микрофон:

– Пошел ты... – и, услышав короткие гудки, отложил трубку в сторону.

Балужев смотрел на Умара преданно, готовый выполнить любое его пожелание.

– Значит, так, – неторопливо, раздумчиво произнес главарь террористов и резко повернулся к Таусу, – запускайте генератор, давайте напряжение. Чтобы все здесь крутилось-вертелось. – Вновь посмотрел Балужеву в глаза: – У тебя есть друзья на центральных каналах?

– На каких?

– Которые вся Россия смотрит.

– И не только Россия, они по СНГ транслируются, в дальнейшем зарубежье, – с готовностью объяснял Балужев.

– Меня влиятельные друзья интересуют, от которых многое зависит.

– Есть такие. Повсюду. Мы же – телевизионщики – одна команда. Помогаем друг другу. Поддерживаем... почти всегда поддерживаем, – добавил Балужев.

– Бери телефон и звони им по очереди. Всем. Ничего не объясняй, только говори, чтобы внимательно за твоими новостями следили и готовы были их в свои выпуски включить.

– Сделаю, но не обещаю, тут уж как они сами решат. Если посчитают, что новость интересная, горячая, включат, а если нет...

– Для тебя новость, что я сейчас в твоей студии, в твоём кабинете с автоматом, – интересная?

– Горячая, очень горячая. Я бы включил в выпуск, случись такое с другими.

– Но это случилось с тобой. Так что постарайся быть убедительным, – Умар потрепал Балужева по щеке, – как у вас принято говорить? Новости – моя профессия?

– Прямо сейчас?

– Именно. Начинай, – и Умар придвинул аппарат к Балужеву.

Бихлис стояла у дверного косяка так, как вернулась с улицы: в белом парике, в пальто.

– А ты не стой, словно в гостях. Ты здесь хозяйка, а не он. Садись и ствол с него не спускай. Если болтать лишнее начнет, стреляй сразу в голову. И глушитель свинти, так, чтобы на том конце провода слышали.

Балужев с ужасом сообразил, что от страха позабыл номера телефонов, по которым ему приходилось звонить несколько раз в день.

– Я записную книжку возьму, – вопросительно посмотрел он на безразличную ко всему Бихлис.

– Надо – бери, – голос женщины, сидевшей перед ним на расстоянии вытянутой руки, звучал глухо, словно издали.

– Вот, вот она, – демонстрировал владелец «Ока» ежедневник в матовой кожаной обложке, извлеченный из портфеля. – В Германии на распродаже купил, – продолжал тарыхтеть Балуев, боясь умолкнуть, – она двадцать пять евро стоила, а я ее за пятнадцать купил. Повезло. Хотя и на прошлый год, а какая разница? Только дни недели разные. Я же каждый день работаю и в выходные.

Балуев чувствовал, что, когда он говорит, Бихлис прислушивается и в ее глазах появляется что-то осознанное, но стоит замолчать, и перед ним появится женщина, лишенная чувств, мыслей, способная нажать на спусковой крючок, когда ей вздумается.

«Да она с ума сошла, – в отчаянии подумал Балуев, – с Умаром хоть договориться можно. Он знает, чего хочет. А с ней? С ней не договоришься. Нажмет на спуск и глазом не моргнет».

– Вот, обрез у записной книжки золотой, – пролистал страницы владелец студии.

Умар действовал быстро. Братья Магомед и Таус уже включили генератор, коридоры студии залил яркий слепящий свет.

– Включай прерванный фильм, – распорядился главарь террористов в аппаратной.

– С какого места? – задал чисто профессиональный вопрос видеоинженер и, заметив непонимание в глазах Умара, пояснил: – Я могу отмотать так, чтобы конец фильма совпал с началом новостей.

– Мне по хрену. Делай как знаешь.

Погасшие мониторы ожили. На одном шел фильм, и цифры в черной рамке прыгали, отсчитывая время назад. На другом виднелась погруженная в полумрак эфирная студия.

– У вас титры на экран Тася заводит? Отсюда? – прищурился Умар.

– Да, она... пульт здесь... – растерялся видеоинженер.

Ему казалось, что, пробудь Умар на студии еще пару дней, он будет управляться с эфиром не хуже Балуева или продюсера.

Главарь террористов метнулся в кабинет, где сидела Тася. Он вошел так решительно, что девушка еле сдержалась, чтобы не закричать.

– Умар, ты что... – зашептала она, когда тот потащил ее за руку, – не надо.

Ей казалось, что ее тащат на казнь.

– Заткнись, дура, и слушай.

Тася уже рыдала. Умар пару раз несильно съездил ей по щекам растопыренной пятерней.

– Слушай, я сказал, – он протащил ее по коридору, втолкнул в аппаратную, буквально бросил на кресло, – запустишь поверх фильма титр: «Смотрите экстренный выпуск новостей». И пусть идет через каждые полминуты. Все ясно?

Былая решительность у девушки улетучилась. Пока занимались другими, она готова была сопротивляться. Теперь же она свободно могла набрать все, что хотела, после чего запустить это на экраны тысяч телевизоров: «Помогите!», «Нас захватили», «В студии террористы», «Освободите нас». Могла, но не стала делать. Ее пальцы, словно сами, без ее участия, набрали слова, сказанные Умаром.

Видеоинженер спросил:

– Готово? Ошибок не сделала?

– Готово. Все верно.

– Я поставлю четыре секунды на пробежку титра, как раз успеют прочитать.

– Да, четырех секунд хватит, – Тася механически прочитала слова, загибая при этом пальцы, читать и одновременно считать в уме она уже не могла.

– Пойдет с интервалом в полминуты.

– Давай ввод.

Они сработали слаженно, как делали это уже не раз во время эфира.

Бихлис, не сводя взгляда с Балуева, свернула глушитель со ствола, и тяжелый цилиндр с грохотом покатился по столешнице к хозяину кабельного канала, остановился, упершись в золотой обрез ежедневника.

Владельцу студии показалось, что Бихлис сейчас что-то скажет, но она только подняла пистолет и слегка качнула им.

– Сейчас, я сейчас, только номер посмотрю, – негнувшись пальцы Балуева уже тыкались в клавиши.

Через полминуты он уже чувствовал себя не так скованно, появилось дело, и оно поглощало его целиком. Переговоры, звонки, встречи были стихией владельца «Ока», наполнением и даже смыслом его жизни, таким же непрерывным и суетливым, как сам телевизионный эфир, – важно только то, что происходит на экране в данную секунду. Завтра может передаваться совсем другая информация, другие люди примутся убеждать зрителя в противоположном, или те же самые, кто высказывался «за», с прежним запалом примутся агитировать «против».

– ...Аллочка, – кричал Балуев в трубку, – я знаю, что лучше звонить на мобильный, но твой шеф на совещании, постоянно отключает аппарат, вытащи его оттуда. Он не отвечает... Я понимаю, что если бы хотел со мной говорить, поговорил бы, но скажи ему, что он не пожалеет...

И случалось чудо, очередного программного директора, заместителя генерального директора, продюсера... вытаскивали из-за стола, прямо с совещания. И он, стоя в приемной, прикрывая микрофон ладонью, говорил с Балуевым. Владельцу «Ока» верили на слово, не требовали пространных объяснений. А потом были звонки исполнителям: завести сигнал кабельного канала на аппаратную и, включив запись, ждать новостей, назначался и человек, ответственный за то, чтобы, если новость окажется горячей, запустить ее в эфир.

И вот уже на разных студиях мигала на запасных мониторах в аппаратных одна и та же картинка с логотипом «Ока» в правом верхнем углу, а по экрану через каждые полминуты шла бегущая строка, набранная Тасей: «Смотрите экстренный выпуск новостей».

Умар уже успел передать бразды правления Рамзану. Сам он перешел в студию, где ярко пылал свет. Пожилой оператор стоял, держа камеру за ручки, и всматривался в пока еще пустующее кресло. И хоть все ему было ясно до последней детали, он мог бы приходить на студию и за пару минут до начала новостийного выпуска, оператор делал вид, что чрезвычайно занят. Умар ему не мешал. Террорист мало понимал в «кухне» телевидения, но как умный человек не лез в работу профессионала.

– Вы один будете выступать или с... – оператор замаялся, не зная, как ему назвать террористов, не товарищами же, не подручными, – ... еще с кем-нибудь? – нашелся он.

– Я сяду в кресло, а за мной двое моих людей с оружием, стоя, – гордо ответил Умар.

– Это другое дело. Тогда придется менять точку, – оператор откатил камеру. – Я привык работать, когда диктор сидит один. Если сработаю по старинке, то голов ваших людей видно не будет. Можно хотя бы одного человека там поставить?

– Подойди, – Умар позвал худого бойца с зеленой повязкой на голове, – стань за креслом.

Оператор остался недоволен:

– Я не хочу никого обидеть, но вы смотрите не лучшим образом.

Боец перевел взгляд на Умара. Если бы командира тут не было, он бы выпустил в оператора очередь.

– Что такое?

– Он один, сам по себе, выглядит хорошо. Но по сравнению с вами мелковат. Или поставить его на возвышение, или... Понимаете, есть законы профессии...

– Понимаю. Приведи Магомеда.

Оператор постарался забыть, к чему именно он готовится, уже решил для себя, что просто будет работать, чисто и профессионально, так, чтобы не было потом стыдно за картинку на экранах телевизоров.

Возле дикторского кресла уже крутился и звукорежиссер, подключал микрофон. Вздвонанный Рамзан забежал в студию в то время, когда Умара приводила в порядок девушка-гример.

– Вам надо лицо припудрить, иначе блики в кадре пойдут. Будто вас жиром намазали.

Главарь террористов поморщился, раньше он и в страшном сне не мог себе представить, что его напудрят, словно он – женщина.

– Умар, снаружи появились люди...

– Кто?

– Не успел понять, то ли ОМОН, то ли просто милиция. Только что они камеру над входом отключили.

– Значит, не только милиция, – криво усмехнулся Умар, – они уже поняли, с кем имеют дело.

* * *

В плохо освещенном сквере и вокруг него происходило движение. У ворот эвакуатором растаскивали со стоянки легковые машины, особо не заботясь о том, чтобы после их смогли отыскать владельцы. Автомобили бросали где попало: во дворах, если там находилось свободное место, на тротуарах. Их место заняли автобусы с голубыми номерами и грузовики, крытые тентами. Солдаты внутренних войск и наспех собранная милиция рассыпались цепью и, наконец, выход из бомбоубежища окружили. Кольцо оцепления стояло на солидном расстоянии от освещенного крыльца.

Капитан – командир роты внутренних войск препирался с милицейским майором, пытаясь отстоять свои интересы. Солдатам, конечно же, достался участок, где приходилось стоять по колено в снегу, милиция, приехавшая первой, заняла три расчищенные аллейки. Конфликт уладил молодежавый полковник:

– Мы не на учения приехали. Капитан, посмотри, все милиционеры, кто в туфлях, кто в ботинках, а твои бойцы в сапогах.

Солдаты в тяжелых бронежилетах, касках, с автоматами приминали сапогами снег, отводя у зимы пятачки, на которых можно было согреться. И хоть входы в сквер перекрыли, любопытные все же проникали через дырки в ограде. Сперва их выводили, а потом махнули рукой. Лишь изредка покрикивали на них, когда слишком близко подбирались к кольцу оцепления.

Горожане любят поглазеть, когда происходит что-то необычное. Столкнутся ли машины, загорится ли киоск, прорвет ли теплоцентраль.

Дама с замерзшей собачкой на руках, уже допрошенная милицией, не спешила уходить домой, возле нее собралась небольшая толпа, и женщина уже по десятому кругу рассказывала, как видела террористку, стрелявшую по милицейской машине. Ее рассказ обрастал все новыми и новыми подробностями.

Разговоры мигом стихли, когда оцепление пропустило на аллею автобус с надписью «разминирование». Самые нервные из зевак тут же попрятались за фонарные столбы, а самые любопытные привставали на цыпочки, чтобы получше рассмотреть, чем займутся саперы. Из салона выбрался уже экипированный в странные для непосвященных доспехи мужчина. Из-за них сапер казался составленным из двух шаров, огромного – нижнего и меньшего – верху. Он шел, раскачиваясь, похожий на детскую игрушку «ванька-встанька».

У микроавтобуса он остановился, сунул под днище штангу с камерой и фонариком на конце. Изучал недолго, затем штанга нырнула через отодвинутую дверцу в салон. Сапер ухватился за поручень и неуклюже поднялся в салон.

– Бомбу нашел, – зазвучали возбужденные голоса.

– Ясное дело, заминировали, иначе бы тут автобус не бросили.

– Ловушка.

– А кто вам сказал, что здесь террористы? – пытался разобраться в ситуации свежеприбывший пенсионер, – может, учения проводят накануне Нового года? Вот у нас во дворе...

– Ага, на учениях милицию не убивают, – и старика тут же направили к женщине с собакой, чтобы тот сам у нее обо всем расспросил.

Под общее «ох!» сапер выбрался из машины, к нему тут же подбежали двое его товарищей, помогли освободиться от доспехов.

– Чисто.

Среди зевак то и дело звонили мобильники – знакомым и родственникам тоже было интересно, что происходит возле телестудии «Око».

– Нет. Скучно здесь пока. Даже бомбы не нашли. Когда Белый дом расстреливали, было поживее... – беззаботно говорил в трубку мужчина со слегка испитым лицом, а тут они сами не знают, что делать. Еще полчаса потусуюсь и, если ничего не произойдет, пойду домой. По телевизору покажут, чем кончилось.

– Пустите! – внезапно прорезал морозный воздух женский крик.

Солдаты внутренних войск успели догнать стройную девушку, которая, проскользнув между ними, устремилась к входу в бомбоубежище.

– Куда вы? Нельзя.

– У меня жених там работает, он на дежурстве, – Таня, как только узнала от соседей о заварухе, тут же бросилась к студии.

– Нельзя, – молоденькие, но крепкие пареньки из роты внутренних войск могли бы спокойно удержать взбесившегося здоровяка, но хрупкую девушку хватать крепко они побаивались, еще немного, и она бы вырвалась.

На выручку им уже спешил моложавый полковник.

– Успокойтесь, гражданка. Может, его там сейчас и нет.

– Он звонил мне.

– Все равно, вы там ничем ему не поможете, – полковник повел Таню к выходу из сквера, – мы делаем все возможное... – он заговаривал ей зубы, пока не сдал на руки медикам из машины «Скорой помощи».

У старого кирпичного постамента, на котором когда-то гордо возвышался бетонный пионер с горном, а теперь угадывались лишь следы его каменных сандалий, сошлись двое мужчин в возрасте. Один подтянутый, в военном бушлате без погон, молодцеватый, но с густыми синими прожилками под глазами, другой толстый, с красным, абсолютно круглым лицом, полы его непомерно длинного пальто мели снег. Они не были знакомы раньше, не сговаривались, просто нюхом определили друг друга среди зевак и отошли в сторонку.

– Здешний? – поинтересовался бушлат, сразу выдав военный командный голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.